

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ

ЗАРЕГИСТРИРОВАНО В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СЛУЖБЕ ПО НАДЗОРУ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ И ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ. Рег. ПИ № ФС77-29367 от 23.08.2007 г.

Издается с 2006 г. Периодичность — 2 раза в полугодие

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Издательская группа «Юрист»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Белых-Силаев Д.В.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Полковников Р.М.

ПОМОЩНИКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Еремин Н.П., Коломойцев М.М.,
Супрун В.Н., Фролов В.А.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Багмет А.М., к.ю.н.

Балашов Н.М., к.ю.н., проф.

Вехов В.Б., д.ю.н., проф.

Георгадзе М.С., д.псх.н.

Германов Г.Н., д.п.н., проф.

Горленко В.В., д.в.н., к.ф.н., проф.

Гурьянов Ю.Н., д.псх.н., проф.

Дмитриев И.В., к.псх.н.

Дворянчиков Н.В., к.псх.н.

Дозорцева Е.Г., д.псх.н., проф.

Дьячук И.А., к.соц.н., доц.

Зинченко Ю.П., д.псх.н., проф.

Иванков Ч.Т., д.п.н., проф.

Караяни А.Г., д.псх.н., проф.

Кекелидзе З.И., д.м.н., проф.

Ковалев О.Г., д.ю.н., проф.

Кокурин А.В., к.псх.н., доц.

Котенев И.О., к.псх.н., доц.

Маликов С.В., д.ю.н., проф.

Марченков В.И., д.п.н., проф.

Мишуткин И.В., к.ю.н.

Можгинский Ю.Б., д.м.н.

Мягких Н.И., к.псх.н.

Пашин С.А., к.ю.н., проф.

Попов Д.Г., к.п.н.

Простяков В.В., к.псх.н., доц.

Родионов В.А., д.п.н., проф.

Сафуанов Ф.С., д.псх.н., проф.

Селиверстов В.И., д.ю.н., проф.

Столяренко А.М., д.псх.н., проф.

Холодный Ю.И., д.ю.н., проф.

Цветков Ю.А., к.ю.н.

Эминов В.Э., д.ю.н., проф.

Яковлев В.Ф., д.м.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ИГ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор

РЕДАКЦИЯ:

Калинина Е.С., Лаптева Е.А., Платонова О.Ф.

115035, г. Москва, ул. Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

Тел.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Плата с авторов за публикацию статей не взимается.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел./ф.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Подписные индексы:

«Роспечать» — 20626; «Объединенный каталог» (АРЗИ) — 91913;

«Каталог российской прессы» — 12779

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Горбачев И.В.** Экстремизм в молодежной среде 3
Дмитриева Л.А., Перов В.А.
Социально-психологическая проблематика
профилактики суицидального поведения
несовершеннолетних 7
Гончарова Е.М., Марьясис И.Б., Простяков В.В.
Специфика профессионального общения
сотрудников органов внутренних дел 11
Екимова В.И., Кокурин А.В., Орлова Е.А., Стегнин Е.Д.
Четыре шага от толерантности до экстремизма:
понятийно-феноменологический анализ 14
Цветков Ю.А. Психотехники повышения
эффективности личного приема граждан
руководителем следственного органа 20

ПРОБЛЕМЫ ПОЛИГРАФОЛОГИИ

- Абрамов Р.И., Костенко А.Л.** Личностная тревожность
как психологический предиктор интенсивности
неслучайных психофизиологических реакций 23

ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ

- Некрасова Е.А., Нурдин М.У.** Отношение к деньгам
у военнослужащих: возможные аддикции 27
Белых-Силаев Д.В. Типология личности
военнослужащего в зависимости
от акцентуации характера 30

ОТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ

- Данилов С.И.** Дискуссия психологов силовых структур
об использовании инновационных технологий
в психологической подготовке военнослужащих
(отчет о конференции) 38

Уважаемые авторы, просим вас направлять статьи на электронный адрес
редакции журнала «Юридическая психология»: 014130@mail.ru

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министер-
ства образования и науки Российской Федерации для публикации
основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кан-
дидата и доктора юридических и психологических наук.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного
цитирования (РИНЦ) **eLIBRARY.RU**

Отпечатано в типографии «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

Тел.: (4842) 70-03-37.

Тираж: 1500 экз.

Цена свободная

Номер подписан: 08.11.2017

Дата выхода в свет: 28.12.2017

ISSN 2071-1204

Juridical Psychology

№ 4/2017

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATION JOURNAL

REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING OF COMPLIANCE WITH THE LEGISLATION IN THE SPHERE OF MASS COMMUNICATIONS AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE. REG. PI № ФC77-29367 of 23.08.2007.
Published quarterly. Published since 2006.

FOUNDER:

Publishing Group "JURIST"

EDITOR IN CHIEF:

Bely'kh-Silaev D.V.

DEPUTY EDITOR IN CHIEF:

Polkovnikov R.M.

ASSISTANTS TO THE EDITOR IN CHIEF:

Eremin N.P., Kolomojtssev M.M.,
Suprun V.N., Frolov V.A.

EDITORIAL BOARD:

Bagmet A.M., candidate of juridical sciences,
Balashov N.M., candidate of juridical sciences, professor,
Vekhov V.B., doctor of juridical sciences, professor,
Georgadze M.S., doctor of psychological sciences,
Germanov G.N., doctor of pedagogical sciences, professor,
Gorlenko V.V., doctor of military sciences, professor,
Gur'yanov Yu.N., doctor of psychological sciences, professor,
Dmitriev I.V., candidate of psychological sciences,
Dvoryanchikov N.V., candidate of psychological sciences,
Dozortseva E.G., doctor of psychological sciences, professor,
D'yachuk I.A., candidate of sociological sciences, assistant professor,
Zinchenko Yu.P., doctor of psychological sciences, professor,
Ivankov Ch.T., doctor of pedagogical sciences, professor,
Karayani A.G., doctor of psychological sciences, professor,
Kekelidze Z.I., doctor of medical sciences, professor,
Kovalev O.G., doctor of juridical sciences, professor,
Kokurin A.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Kotenev I.O., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Malikov S.V., doctor of juridical sciences, professor,
Marchenkov V.I., doctor of pedagogical sciences, professor,
Mishutkin I.V., candidate of juridical sciences,
Mozhginskij Yu.B., doctor of medical sciences,
M'agkikh N.I., candidate of psychological sciences,
Pashin S.A., candidate of juridical sciences, professor,
Popov D.G., candidate of pedagogical sciences,
Prostyakov V.V., candidate of psychological sciences, assistant professor,
Rodionov V.A., doctor of pedagogical sciences, professor,
Safuanov F.S., doctor of psychological sciences, professor,
Seliverstov V.I., doctor of juridical sciences, professor,
Stolyarenko A.M., doctor of psychological sciences, professor,
Kholodny'j Yu.I., doctor of juridical sciences, professor,
Tsvetkov Yu.A., candidate of juridical sciences,
E'minov V.E., doctor of juridical sciences, professor,
Yakovlev V.F., doctor of medical sciences

EDITOR IN CHIEF OF PUBLISHING GROUP "JURIST":

Grib V.V., doctor of juridical sciences, professor

EDITORIAL OFFICE:

Kalinina E.S., Lapteva E.A., Platonova O.F.

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb.,
Moscow, 115035.

Tel.: (495) 953-91-08

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Authors shall not pay for publication of their articles.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., candidate of juridical sciences

EDITORIAL SUBSCRIPTION CENTRE:

Tel./fax: (495) 617-18-88

(multichannel)

SUBSCRIPTION:

Rospechat' – 20626; United Catalogue – 91913;
Catalogue of the Russian Press – 12779

CONTENTS

PSYCHOLOGY OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES

- Gorbachev I.V.** Extremism among Young People.....3
Dmitrieva L.A., Perov V.A. Sociopsychological Issues
of Juvenile Suicidal Behavior Prevention7
Goncharova E.M., Maryasis I.B., Prostyakov V.V.
Peculiarities of Professional Communication
between Officers of Internal Affairs Bodies..... 11
Ekimova V.I., Kokurin A.V., Orlova E.A., Stegnin E.D.
Four Steps from Tolerance to Extremism:
Conceptual and Phenomenological Analysis..... 14
Tsvetkov Yu.A. Psychological Techniques Increasing
Efficiency of Personal Reception of Citizens
by an Investigative Body Head 20

POLYGRAPHOLOGY ISSUES

- Abramov R.I., Kostenko A.L.** Trait Anxiety
as a Psychological Predictor of Nonrandom
Psychophysiological Reaction Intensity..... 23

MILITARY PSYCHOLOGY ISSUES

- Nekrasova E.A., Nurdin M.U.** Attitude of Military Service
Men towards Money: Possible Addictions 27
Belykh-Silaev D.V. Personality Type of Military Service Men
Depending on Personality Trait Accentuation 30

CONFERENCE REPORT

- Danilov S.I.** Discussion of Law Enforcement Agency
Psychologists on the Innovative Technology Use
in Psychological Training of Military Service Men
(Conference Report)..... 38

Dear authors, please send your articles to the electronic address of the editorial office of journal "Juridical Psychology" : 014130@mail.ru

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Sciences of the Russian Federation for publication of basic results of doctoral theses.

The journal is included in the database
Russian science citation index **eLIBRARY.RU**

Printed by LLC "National Polygraphic Group".
Tel.: (4842) 70-03-37 Circulation: 1500 copies.

Free market price.
Passed for printing: 08.11.2017
Edition was published: 28.12.2017
ISSN 2071-1204

ЭКСТРЕМИЗМ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ

Горбачев Иван Вадимович,
аспирант Российского государственного
социального университета (РГСУ)
014130@mail.ru

В XXI веке экстремизм, переживающий эволюционный подъем, стал оказывать все большее влияние на многие сферы жизни человеческого сообщества, подрывая стабильность существования в настоящем и уверенность в завтрашнем дне. Поэтому актуальной задачей становится необходимость раскрытия сущности экстремизма, разработки понятийно-терминологического ряда, который позволил бы определить исторические, социологические, политические, психологические, информационные, силовые и другие аспекты борьбы с данным опасным явлением.

Ключевые слова: психология экстремизма, психологические особенности террориста, социальные установки.

EXTREMISM AMONG YOUNG PEOPLE

Gorbachev Ivan V.
Postgraduate Student of the Russian State Social University (RSSU)

In 21st century extremism experiencing evolutionary up growth started to have more impact on many spheres of life of human society, disrupting the today's stability and confidence in the future. Therefore, the pressing task is the need to discover the essence of extremism, the development of a conceptual and terminological series that would allow us to determine the historical, sociological, political, psychological, information and power aspects of fight against this dangerous phenomenon.

Key words: psychology of extremism, psychological characteristics of a terrorist, social attitudes.

События второй половины XX века убедительно продемонстрировали, что, несмотря на научно-технический и культурный прогресс, обстановка в большинстве регионов мира не стала более безопасной и стабильной. Процессы ограничения стратегических вооружений не смогли оказать сдерживающее воздействие на разработку новых видов вооружения, распространение ядерного и других современных видов оружия массового поражения. Представляется, что в ряду перечисленных явлений экстремизм (от лат. *extremus* — крайний) представляет особую опасность, в связи с тем, что, «накладываясь» на сепаратизм, национализм, фундаментализм, придает этим явлениям крайние формы их протекания, формирует реальные угрозы безопасности личности, общества, государства.

По-видимому, экстремизм известен человечеству с той поры, когда власть над другими людьми стала приносить определенные материальные выгоды и превратилась в предмет вождений отдельных лиц, групп, движений и организаций, стремившихся достичь заветной цели любыми путями. При этом экстремистов не останавливали моральные барьеры, традиции, общепринятые правила поведения, интересы других людей. Цель оправдывала средства, и субъекты, жаждущие власти, не гнушались применять в своей деятельности самые жестокие и крайние меры, включая устрашение, открытое насилие, убийства. Экстремизм проявлялся в разные исторические времена в разных государствах и при любых социальных условиях, даже внешне вроде бы весьма благоприятных. Природа экстремизма зиждется либо на стремлении уничтожить существующую

систему государственно-правовых и общественных отношений, либо на стремлении их сохранить в неизменном виде.

Так, великое Римское государство столкнулось с экстремизмом в I веке, когда в Иудее возникла и стала действовать секта сикариев (сика — по-еврейски «кинжал» или «короткий меч»), уничтожавшая представителей еврейской знати, сотрудничавшей с римлянами. Государство на какое-то время оказалось бессильным перед кучкой злоумышленников. В Средние века представители мусульманской секты ассоафинов убивали префектов и калифов. На территориях Ирана, Афганистана и некоторых других стран могущественная секта исмаилитов, использовавшая доведенные до совершенства способы физического устранения неудобных лиц, расправлялась с представителями мусульманской суннитской знати. Массовые расправы с еретиками в Средние века тоже были проявлением политического и религиозного экстремизма. В данном случае экстремизм использовали правящие круги Западной Европы. Идеологическое обоснование экстремизм получил в XIX веке.

Немецкий радикал Карл Гейнцен провозгласил, что запрет убийства неприменим в политической борьбе и что фактическая ликвидация сотен и тысяч людей может быть оправдана исходя из «высших интересов человечества». Он был уверен, что с помощью экстремистских акций даже небольшая группа единомышленников сумеет создать хаос в самом сильном государстве. Концепция «философии бомбы» Гейнцена получила дальнейшее развитие в «теории разрушения» Бакунина. Революционеры, — считал Бакунин, — должны быть глухи к стенаниям об-

реченных и не должны идти ни на какие компромиссы. «Теория разрушения» была дополнена доктриной «пропаганды действием», выдвинутой анархистами в 70-е гг. XIX в. Сутью ее был отказ от устной агитации и пропаганды в пользу террористических действий, поскольку, по мнению теоретиков анархизма, они могут побудить массы к давлению на правительство и заставить последнее пойти на уступки террористам. Анархисты считали, что истинный порядок может возникнуть только из хаоса, который невозможен в условиях существования государственного порядка. Во имя порядка государство должно быть разрушено. С началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последние десятилетия, экстремизм стал в нашей стране повседневной реальностью, ежедневно напоминая о себе страшными, жестокими примерами.

Отличительными чертами современного политического экстремизма являются пропаганда и использование насилия, крайних средств достижения политических целей, попытки отдельных политических, религиозных и националистически настроенных лидеров использовать методы криминального террора, а криминальных авторитетов — камуфлировать откровенный бандитизм радикальными политическими лозунгами. Новейшая история дала нам многочисленные примеры, когда достаточно крупные рабочие коллективы, провоцируемые политическими экстремистами (или лидерами криминальной среды, рвущимися в политику), захватывали и удерживали некоторое время целые заводы, требуя от государства удовлетворить их неправомерные запросы. Сближение политических экстремистов и криминальной среды представляет чрезвычайную опасность вследствие возможного переноса методов криминальных взаимоотношений в политику, сферу государственного управления.

Повышенную опасность представляют исторически сложившиеся черты экстремизма — абсолютизация насильственных методов политической борьбы, характеризующихся действиями, направленными на насильственное изменение конституционного строя, посягательство на суверенитет и территориальную целостность государства, и сопровождающихся публичными призывами к совершению противоправных деяний в политических целях. В этой связи организация действенной борьбы с экстремизмом и его наиболее опасной составляющей — терроризмом превратилась в одну из приоритетных задач общества и государства в лице его правоохранительных органов и спецслужб. Если явление «экстремизм» известно с древних времен, то термин «экстремизм», как представляется, многовековой истории не имеет. Мы не находим его толкования ни в Толковом словаре русского языка (В.И. Даля), ни в Энциклопедическом словаре (Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона), хотя определение близкого к экстремизму термина «терроризм» в данных словарях приведено. По мнению С.Н. Фридинского, данный термин стал активно использоваться

для обозначения приверженцев к крайним взглядам и мерам с начала XX в., какими в тот период считали представителей левого крыла партии «Индийский национальный конгресс», являвшихся последовательными сторонниками борьбы за полную независимость Индии.

В отечественной политической и научной литературе термин «экстремизм» раскрывается в различных аспектах, но комплексного междисциплинарного подхода к определению этого многогранного явления не существует, что затрудняет понимание его сущности, не дает возможности выработать не только направления совершенствования общественных отношений, но и исследовать тот методологический инструментарий, который способен цивилизованно анализировать данные отношения. Как следствие, возникают затруднения с выработкой научно обоснованных рекомендаций по вскрытию причин и факторов, детерминирующих экстремизм, что в конечном счете снижает эффективность противодействия экстремистской деятельности.

Так, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова дают следующее определение экстремизма: «экстремизм — приверженность к крайним взглядам и мерам (обычно в политике)».

В Советском энциклопедическом словаре приводится следующее определение термина «экстремизм»: «приверженность к крайним взглядам, мерам (обычно в политике)».

Согласно определению, содержащемуся в Большой советской энциклопедии, экстремизм — приверженность крайним взглядам, идеям и мерам, направленным на достижение своих целей радикально ориентированными социальными институтами, малыми группами и индивидами.

В Малой энциклопедии современных знаний экстремизм определяется как «приверженность в политике и идеологии к крайним взглядам и действиям».

В политологической литературе приведено следующее: «Экстремизм — приверженность в политике и идеях к крайним взглядам и действиям».

В соответствии с Кратким политическим словарем, «экстремизм — это приверженность к крайним взглядам и мерам, в политическом смысле означает стремление решать проблемы, достигая поставленных целей с применением самых радикальных методов, включая все виды насилия и террора».

В религиозном контексте (Э.Г. Филимонов) экстремизм рассматривается как «приверженность к крайним взглядам и действиям», которая «может иметь место в любой сфере общественной жизни, где сталкиваются различные взгляды и точки зрения на решение тех или иных проблем».

Эти взгляды, меры, идеи или действия по своему характеру могут быть политическими, расистскими, националистическими, религиозными, сепаратистскими, криминальными и др. В.Ю. Верещагин и М.И. Лабунец подчеркивают, что экстремизм — это идеология, предусматривающая принудительное распространение ее принципов, нетерпимость к оппонентам и насильственное их подавление.

Следует отметить, что в последние годы в России уделяется серьезное внимание молодежи как общественной группе, ее месту и роли в социальной структуре общества (С.Н. Иконникова, В.Т. Лисовский), процессу становления личности молодых людей и проблемам их социализации (И.С. Кон, Ж.Т. Тошенко), влиянию социальных условий и различий на выбор профессии и социальное продвижение молодежи (М.Х. Титма, В.Н. Шубкин), системе ценностных ориентаций и особенностях отношения молодежи к труду, семье, культуре и досугу (Н.М. Блинов, В.Н. Боряз, В.Г. Морякович), а также общим проблемам молодежи и молодежной политики государства (И.М. Ильинский, Б.С. Павлова, В.И. Чупров).

Наряду с указанным, ряд авторов рассматривает проблемы девиантного поведения молодежи, в частности, экстремистские проявления в молодежной среде, отмечая, что активизация молодежного экстремизма в России детерминирована, с одной стороны, объективными социальными условиями периода реформ, а с другой — субъективными факторами — состоянием сознания и поведением самой молодежи в сложных и противоречивых социальных условиях.

Отдельные исследователи указывают на появление в ценностной структуре молодежи угрожающих личности агрессивно-экстремистских элементов. Свое социальное самочувствие большинство молодых людей определяют как разочарование, пессимизм, неуверенность, растерянность, агрессивность и т.п.

В каком-то смысле, как своеобразное состояние сознания, мироощущение человека или общности, экстремизм в той или иной форме присутствует в каждом из нас. Он сопровождает всю жизнь нашего общества, и в определенной мере история человечества и его будущее без него немислимы. Сущностную природу экстремизма составляет социальный нигилизм и радикализм, нравственный релятивизм, склонность к насилию и неумеренность выбора средств достижения цели, особенно в пограничных, экстремальных и конфликтных ситуациях.

Экстремизм в молодежной среде представляет собой индивидуальное и социально-групповое проявление крайних, неумеренных в нравственном и правовом отношениях средств и способов жизнедеятельности части молодежи как особой социальной группы и специфической возрастной категории населения.

Специфика проявления социального экстремизма в молодежной среде обусловлена прежде всего особенностями самой молодежи: незавершенностью процессов экономической, политической и духовной социализации, мировоззренческой неустойчивостью, недостаточной социально-психологической зрелостью, поверхностным восприятием противоречивости социального бытия, безоглядным стремлением к решительному обновлению форм и способов жизнедеятельности, склонностью к проявлению различных форм максимализма и социального протеста и неумеренностью в выборе средств и способов достижения жизненных целей. Возникновение со-

циального экстремизма в молодежной среде детерминировано взаимодействием негативных факторов социальной среды, экономическим неравенством и несправедливостью распределения собственности, высокой социальной напряженностью и конфликтностью общественных отношений, падением престижа политической власти, неуправляемостью процесса социализации, размыванием системы приоритетных духовных ценностей, ослаблением регулирующей роли государства и нарастанием криминальности в обществе.

Названные факторы выступают объективными условиями, которые являются благоприятной средой для проявления в сознании и поведении молодых людей негативных факторов субъективного порядка — завышенных социальных ожиданий, склонности к максимализму, радикализму, нигилизму, насилию, деструктивности, крайним средствам и способам достижения целей.

Исследования личности экстремиста в большинстве случаев характеризуют его как дезадаптированного в существующей социальной реальности маргинала, испытывающего беспокойство перед будущим, агрессивно настроенного, тяготеющего к силовым способам разрешения жизненных проблем, пренебрегающего правовыми нормами. Выявленные особенности позволяют обозначить так называемый «комплекс силовика», представляющий собой некий ряд взаимодополняющих и органически увязанных между собой правил и установок поведения, наиболее часто встречающихся у экстремистски ориентированной личности.

Наличие подобных установок можно наблюдать у значительной массы молодых людей, некоторые из них характеризуют естественные особенности развития молодой психики. Однако отличие экстремиста в том, что у него они проявляются в целостном единстве, формируют, таким образом, устойчивую экстремистскую направленность.

В общем виде можно выделить следующие составляющие «комплекса силовика»:

- нетерпение, стремление достигать целей кратчайшим путем;
- отрицание компромисса, использование силовых методов давления;
- согласие с принципом «цель оправдывает средства»;
- отрицание равенства человеческих прав и возможностей;
- склонность к агрессии, способность применить насилие ради собственных интересов;
- низкая значимость человеческой жизни, как своей, так и окружающих.

Ведущий блок принципов, из которых складывается комплекс, это предпочтение кратчайшего пути к цели, игнорирование прав человека и признание принципа «цель оправдывает средства» как идеологического и нравственного оправдания силового действия.

Таким образом, можно сказать, что корни проблемы молодежного экстремизма, по мнению самих

активистов, лежат в государственном и экономическом кризисе, охватившем Россию с момента развала СССР. Ликвидировав коммунистическую идеологию, а с ней и советский патриотизм, новая власть не предложила ничего взамен. Среди факторов, способствующих росту молодежного экстремизма, — снижение уровня жизни значительной части населения, изменение привычного уклада жизни, ухудшение психологического климата в семье и ослабление ее воспитательных возможностей.

Литература

1. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Р.М. Афанасьева. М., 2007. 22 с.
2. Бахтияров О.Г. Экстремистские ресурсы общества // Мат. науч.-практ. конф. «Психология экстремизма». 9 октября 2002 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vagvar.ru/arhiv/texts/bahtijarov8.html>
3. Бузова Т.В. Феномен религиозного экстремизма : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Т.В. Бузова. Пермь, 1989. 18 с.
4. Грачев А.С. Политический экстремизм / А.С. Грачев. М. : Мысль, 1986. 271 с.
5. Гречкина Е.Н. Молодежный политический экстремизм в условиях трансформирующейся российской действительности : автореф. дис. ... канд. полит. наук / Е.Н. Гречкина. Ставрополь, 2006. 21 с.
6. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. Философия. История. Теория / И.М. Ильинский. М. : Голос, 2001. 696 с.
7. Круглова Е.В. К вопросу о социально-психологической природе правового экстремизма (на примере современной Великобритании) / Е.В. Круглова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2003. № 4. С. 93–99.
8. Молодежный экстремизм / под ред. А.А. Козлова. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.
9. Морозов В.В., Скоробов А.П. Противоречивость социализации и воспитания молодежи в условиях реформ / В.В. Морозов, А.П. Скоробов // Социально-политический журнал. 1998. № 1. С. 148–154.
10. Новиков А. Отрывка революции. Современный экстремизм: психологический портрет явления / А. Новиков // Дружба народов. 1993. № 4.
11. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. СПб. : Питер, 2002. 286 с.
12. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Э.А. Паин // Общественные науки и современность. 2002. № 4. С. 113–124.
13. Папп А. Политический экстремизм в России / А. Папп, А. Верховский, В. Прибыловский. М. : Институт экспериментальной социологии, 1996. 362 с.
14. Политический экстремизм в России. М. : [б.м.] ; [б.и.], 1996.
15. Политический экстремизм в Российской Федерации и конституционные меры борьбы с ним : мат. науч. конф. (31 марта — 1 апреля 1998 г.). М. : Известия, 1998. 135 с.
16. Политический экстремизм в социалистическом обществе : метод. рекомендации / подгот. В.А. Ребкало, Н.Н. Матяшевич. Киев : О-во «Знание» УССР, 1990. 21 с.
17. Рыбаков В. К вопросу о терроризме, или Две стороны одной медали / В. Рыбаков // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 3. С. 50–52.
18. Феномен экстремизма / А.А. Козлов [и др.] ; под ред. А.А. Козлова. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. 85 с.
19. Фромм Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. Минск, 2000. 571 с.
20. Черпакова Г. Крайне правые в поисках идентичности / Г. Черпакова // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4.
21. Шогенов М.З. Особенности личностных характеристик экстремиста: опыт социально-психологического исследования / М.З. Шогенов // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2009. № 1. С. 185–191.
22. Экстремизм в среде петербургской молодежи: анализ и проблемы профилактики / под ред. А.А. Козлова. СПб. : ХИМИЗДАТ, 2003. 560 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА ПРОФИЛАКТИКИ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Дмитриева Лилия Алексеевна,
*ученый секретарь Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат психологических наук, доцент
dmitriewaliya@yandex.ru*

Перов Валерий Александрович,
*доцент кафедры предварительного расследования преступлений в сфере экономики
Института повышения квалификации
Московской академии Следственного комитета
Российской Федерации
geck.on@yandex.ru*

В статье предложен интегративный подход к анализу комплексной проблематики суицидального поведения несовершеннолетних. Расширен диапазон возможных причин детских суицидов, учитывающий особенности психической реальности подрастающего поколения. Обоснованы первичные профилактические меры противодействия этому явлению.

Ключевые слова: суицидальное поведение, «группы смерти», возрастные потребности, интернет-сообщества, антивитальное решение, трудные жизненные обстоятельства, психологическая защита, манипулирование, деструктивный культ, игровая зависимость, Я-образ, индоктринация.

SOCIOPSYCHOLOGICAL ISSUES OF JUVENILE SUICIDAL BEHAVIOR PREVENTION

Dmitrieva Lilia A.
*Academic Secretary of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor*

Perov Valery A.
*Assistant Professor of the Department of Pre-Trial Investigation
of Economic Crimes of the Institute for Continuing Education
of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*

The paper proposed an integrative approach to the analysis of complex issues of suicidal behavior of minors. Expanded the range of possible reasons for child suicides, taking into account the peculiarities of psychic reality of the younger generation. Grounded primary preventive measures against this phenomenon.

Key words: suicidal behaviour, the “group of death”, age needs of the Internet community, antivital decision, difficult life circumstances, psychological protection, manipulation, destructive cult, gambling addiction, self-image, indoctrination.

Вопрос профилактики детских суицидов в России в настоящее время стоит настолько остро, что Федеральным законом от 07.06.2017 № 120-ФЗ введена в Уголовный кодекс Российской Федерации ст. 110.1, предусматривающая ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства.

Введение данной нормы явилось насущной необходимостью прежде всего потому, что в последние несколько лет на просторах российского интернет-пространства стали появляться определенные ресурсы деструктивного характера, содержащие инфор-

мацию, содействующую совершению самоубийств несовершеннолетними. Как правило, это закрытые группы в сети Интернет, несовершеннолетние члены которых обсуждают суицидальную тематику.

Такие группы, или интернет-сообщества, получили броское название в средствах массовой информации «групп смерти». При этом на фоне общих рассуждений открытыми остаются вопросы: каким образом происходит вовлечение несовершеннолетних? кто и с какой целью создает такие ресурсы? Несмотря на общественное волнение, такие группы продолжают существовать, и результатами их дея-

тельности являются реальные самоубийства несовершеннолетних, независимо от того, что в России уже начали привлекать к уголовной ответственности так называемых «администраторов групп смерти».

Так, по сообщению информационного агентства РБК, «Тобольский районный суд Тюменской области приговорил администратора одной из “групп смерти” в социальной сети “ВКонтакте” Филиппа Будейкина (Филиппа Лиса) к трем годам и четырем месяцам колонии-поселения»¹.

Формирование практики привлечения к уголовной ответственности лиц, склоняющих несовершеннолетних к самоубийству, является, конечно, явлением положительным, но оно не отменяет безвозвратность утраты детей, уже принявших и реализовавших антивитальное решение. Это придает вопросам профилактики детских суицидов не меньшее значение, нежели наказание за их пропаганду.

К сожалению, по сведениям вице-спикера Госдумы И.А. Яровой, в 2016 г. самоубийство совершили 720 несовершеннолетних. Она отметила, что, так как пропаганда суицида идет через Интернет, «шаг за шагом, очень незаметно, стала возникать новая система координат», где то, что «казалось невозможным, стало реальностью»². И, действительно, если раньше подростковые самоубийства хотя и встречались, но были явлением достаточно редким и нетипичным для существующего социума, то теперь можно обоснованно говорить о смене системы координат и массовом распространении данного явления, причем не только в России.

Так, «полиция баварского города Бамберга выпустила обращение к родителям учеников местных школ с предупреждением о появлении в городских образовательных учреждениях игры “Синий кит” — “игры смерти”, склоняющей детей и подростков к самоубийству»³. При этом в отличие от России, где «Синий кит» распространялся преимущественно в социальной сети «ВКонтакте», в Германии в «игру смерти» вовлекают через мессенджер WhatsApp. «Сначала подростки получают в WhatsApp сообщение с предупреждением об игре. Если они его откроют, то получают доступ к “Синему киту”». Игра состоит из 50 заданий, становящихся все более опасными и сложными и все более вовлекающими в игровой процесс. Если первые задания могут быть относительно безобидными, то последним является самоубийство игрока», — пишет бамбергская полиция⁴.

Отметим, что обстоятельства вовлечения несовершеннолетних в «игру смерти» в России и Германии практически идентичны, что уже не позволяет говорить о том, что подобного рода интернет-ресурсы создаются некими «психопатами-одиночками»

для общения с себе же подобными. Если подобного рода «игра» оказывает одинаковое воздействие на подростков, проживающих в разных странах с отличающейся культурой, то по крайней мере можно говорить о том, что лица, создавшие такой «игровой» ресурс, имеют соответствующие и, скорее всего, профессиональные познания в детской и подростковой психологии, на особенностях которой и строится механизм склонения детей и подростков к совершению самоубийства.

Вопрос о целях такой интервенции в детскую психику пока остается без ответа. Но в любом случае если не остановить этот запущенный механизм самоуничтожения взрослеющих поколений, то под угрозой окажется будущее нации.

При попытках анализа суицидов несовершеннолетних в основном стремятся выяснить причины антивитальных решений. Среди таковых причин специалистами справедливо указаны многие общеизвестные факторы, которые можно объединить под обобщающим термином «средовая психическая дезадаптация детей, находящихся в трудных жизненных обстоятельствах», которую специалисты определяют как «...реакцию приспособления ребенка, в ряде случаев патологического, к неадекватным для уровня развития, личностной активности и личностного роста ребенка социальным условиям его жизнедеятельности»⁵. В круг этой проблематики отнесены семейная и школьная дезадаптация, дистресс, переживание насилия, родительская депривация, вовлечение в асоциальную среду.

На наш взгляд, спектр возможных причин суицидального поведения несовершеннолетних значительно шире. Несомненно, любая из перечисленных причин сама по себе может провоцировать повышенный интерес ребенка или подростка к суицидальной тематике. Однако следует задуматься об успешности попыток типологизировать несовершеннолетних суицидентов. Практика показывает, что таковыми могут быть дети из социально благополучных и неблагополучных семей, отличники и неуспевающие в учебе, лидеры и аутсайдеры, страдающие психическими заболеваниями или имеющие отягощенную наследственность и полностью здоровые. Так что же является тем роковым фактором, спусковым механизмом, заставляющим подростка убить себя?

Вовлечение детей и подростков в так называемые «группы смерти» осуществляется с помощью игровых элементов, производящих впечатление познания и освоения окружающей действительности. К таким элементам можно отнести наличие некой тайны их группы, которую не должны знать взрослые, а тем более родители. Эта тайна создает иллюзию сепарации и эмансипации (отделения и независимости). В таких игровых группах формируются определенные доверительные отношения, создающие ощущение возможности самореализации.

¹ Бондаренко М., Немченко И. В России вынесли первый приговор администратору «групп смерти» [Электронный ресурс] // Информационное агентство РБК. URL: <http://www.rbc.ru/society/18/07/2017/596e54999a7947a7e175986>

² Филипенок А. Яровая предложила сажать на 12 лет за призывы к детским суицидам» [Электронный ресурс] // www.rbc.ru/society/09/03/2017/58c11f0c9a7947af75e16c

³ «Синий кит» всплыл в Германии» [Электронный ресурс] // Информационное агентство DW. URL: <http://www.dw.com/ru/>

⁴ Там же.

⁵ Макушкин Е.В., Вострокнутов Н.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д. Психотерапевтическая и психокоррекционная помощь несовершеннолетним, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах : пос. для врачей. М. : ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2007. 48 с.

Удовлетворяется актуальная возрастная потребность несовершеннолетних к нестандартности и эксперименту (отличаться от других). При этом формат взаимодействия позволяет реализовать возрастную потребность в группировании (быть как все). Противоречивость этих тенденций представляет собой естественный парадокс.

Важно также отметить, что формат многоэтапной игры предполагает неизбежность определенного переутомления (необходимость решения полученных от администратора группы заданий), что преднамеренно усугубляется ночным временем выполнения без возможности дневного отдыха, что приводит к снижению критического восприятия. Как следствие, в измененном состоянии сознания формируется некая психоделическая модель поведения подростка, готового к выполнению последнего задания — самоубийства.

Сегодня с уверенностью можно утверждать, что новые суицидальные риски несовершеннолетних имеют характер синдрома, а именно детерминированы тремя факторами:

- деструктивными культурами,
- интернет-зависимостью,
- игровой зависимостью.

Любой из этих факторов создает возможности для развития других, то есть они являются взаимоподдерживающими. Содержательную «глубину» при этом предлагает деструктивный культ; элемент игры обеспечивает привлекательную доступность формы взаимодействия; Интернет является непосредственной средой влияния. Особую опасность представляет фактор деструктивных культов, поэтому его следует рассмотреть подробнее.

Деструктивный культ определяется как «разновидность культа, разрушительная по отношению к естественному гармоническому состоянию личности: духовному, психическому и физическому (внутренняя деструктивность), а также разрушительная к созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, порядку и обществу в целом (внешняя деструктивность)»⁶. Понятие «деструктивный культ» является более широким, нежели понятие «тоталитарная секта», то есть не только охватывает религиозные группы, но и подразумевает определенные, прежде всего социально-психологические, характеристики жизнедеятельности.

Характерными признаками культовых групп следует определить:

- деперсонификацию членов групп, формирование у них группового мышления;
- внушение зависимости посредством манипулятивных техник убеждения и контроля;
- агрессивность — тенденцию к причинению вреда членам группы.

Сегодня специалисты выделяют особый вид манипуляции — мистический, предлагающий искаженный образ психической реальности⁷.

Особым этапом и приемом втягивания личности в деструктивный культ является индоктринация — внедрение мнений, идей, стереотипов мышления в рамках определенной парадигмы. Психологическая манипуляция происходит незаметно, направлена в сферу бессознательного, в связи с чем личность не имеет возможности развить стратегию психологической защиты.

Контроль сознания личности осуществляется в различных моделях: контроль над личным временем, не допускающий размышлений; формирование чувства беспомощности перед социумом; манипулирование обещаниями и наградами; стандартизация оценок и мнений; изоляция от прежней микросреды; контроль информации; использование страха (боязнь «врагов» и потери «спасения»); использование вины идентичности (кто ты есть?); bipolarность эмоций и т.д.

Возрастной фактор, по мнению специалистов, повышает риски индоктринации. Несовершеннолетний воспринимает окружение как обучающую среду. Период раннего полового созревания характеризуется активным поиском адаптации к малой группе, то есть ориентирован на восприятие правил игры в коллективе. Этот возраст более всего уязвим в плане повышенной восприимчивости к предлагаемым паттернам (схемам) поведения в группе. Именно в этом возрасте «резко возрастает значение проективных символических фигур, поиск которых выходит за пределы привычной микросреды»⁸.

В период раннего юношества (17–19 лет) возникает жажда самоутверждения в социуме, удовлетворение которой возможно при поддержке сильного взрослого. Этим обусловлено появление кумиров, влияние которых легко интроецируется (встраивается в опыт без критики).

Кроме того, в юношеском возрасте выражена мотивация к формированию Я-образа через отвержение определенных моделей поведения. Самоопределение и самоутверждение осуществляются посредством контрастного отграничения собственной идентичности от наблюдаемых примеров в жизни. Именно на этом основывается психополитика индоктринации: личностно незрелому человеку предлагаются «неформальные, небанальные, современные» социальные роли⁹.

Важно также отметить, что «виртуальный мир является аддитивным агентом и в определенном смысле способен выполнять функцию переходного (транзиторного) объекта, который занимает промежуточное психологическое пространство, находясь между внутренней и внешней реальностью»¹⁰. Ребенок взаимодействует с транзиторными объектами как с живыми людьми, наделяя их свойствами последних. При этом он пребывает в иллюзии безопасности, «избегая», как кажется, прямого контакта с субъектом воздействия. Однако эта иллюзия снижает барьеры психологической защиты и лишь повышает риски манипуляции.

⁶ Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы. М.: Эксмо, 2006. С. 786.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 798.

⁹ Там же.

¹⁰ Малкина-Пых И.Г. Указ. соч. С. 833.

Границы между реальным «Я» ребенка и воображаемым миром стираются. Ребенок сливается с виртуальным миром на когнитивном и эмоциональном уровнях, становясь его частью. В результате происходит вытеснение инстинкта самосохранения. При этом достигается высокая интеграция психических функций, так как личность использует свою уникальную систему ценностей и стили мышления. Специалисты отмечают, что следствием этого является «отсутствие таких механизмов психологической защиты, как отрицание, проекция и интеллектуализация»¹¹. Происходит «отбрасывание» прежнего «Я» — без внутренней борьбы мотивов, без сопротивления и переживаний. Можно уверенно предположить, что это обуславливает высокие риски девиантного, в том числе суицидального, поведения.

Комплекс профилактических мер суицидов несовершеннолетних должен включать прежде всего психологическое просвещение взрослых и детей. Необходимо разъяснять соответствующую информацию об опасности «игр» подобного рода. В первую очередь это относится к родителям, которые теперь уже традиционно сужают диапазон своей семейной ответственности: «...в последнее десятилетие благополучие многих семей пошатнулось, родители в погоне за материальным достатком зачастую не уделяют достаточного внимания духовному и нравственному воспитанию детей»¹².

Так, полиция упомянутого города Бамберга «призывает родителей поговорить с детьми об опасности этой игры» и при этом попытаться убедить их в том, что «сообщение, открывающее доступ к игре, нельзя пересылать другим и необходимо сразу же

стереть»¹³. В подобного рода разъяснительной работе, безусловно, должны принимать участие педагоги учреждений, в которых обучается и воспитывается ребенок.

Не только желательным, но и крайне необходимым видится привлечение к работе по противодействию детским и подростковым суицидам представителей традиционных религиозных конфессий с проведением ими разъяснительной работы среди детей и подростков о недопустимости подобного шага с религиозной точки зрения.

Также необходимо принимать меры по искоренению компетентными и уполномоченными органами и должностными лицами всех выявленных следователем в процессе расследования уголовного дела обстоятельств, которые способствовали или могли способствовать склонению несовершеннолетнего к совершению самоубийства.

Литература

1. Багмет А.М. Противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации / А.М. Багмет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2. С. 25–30.
2. Макушкин Е.В. Психотерапевтическая и психокоррекционная помощь несовершеннолетним, находящимся в трудных жизненных обстоятельствах : пос. для врачей / Е.В. Макушкин, Н.В. Вострокнутов, Е.Г. Дозорцева, В.Д. Бадмаева. М. : ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2007. 48 с.
3. Малкина-Пых И.Г. Психология поведения жертвы / И.Г. Малкина-Пых. М. : Эксмо, 2006. 1008 с.

¹¹ Там же. С. 834.

¹² Багмет А.М. Противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних как одно из приоритетных направлений деятельности Следственного комитета Российской Федерации // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2015. № 2. С. 25.

¹³ «Синий кит» всплыл в Германии» [Электронный ресурс] // Информационное агентство DW. URL: <http://www.dw.com/ru/%D1%81%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%B9-%D0%BA%D0%B8%D1%82-%D0%B2%D1%81%D0%BF%D0%B%D1%8B%D0%BB-%D0%B2-%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BC%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8/a-39840551>

СПЕЦИФИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Гончарова Елизавета Михайловна,
юрист
goncharova_e_79@mail.ru

Марьясис Ирина Борисовна,
кандидат психологических наук, доцент
talismmm@mail.ru

Простяков Владимир Вениаминович,
кандидат психологических наук
prost2012@mail.ru

В статье рассматривается специфика профессионального общения сотрудников органов внутренних дел при выполнении служебных задач. Особое внимание уделено начальной фазе общения — установлению психологического контакта.

Ключевые слова: психология общения, профессиональное общение, психологический контакт, барьеры общения, конфликтные ситуации, взаимодействие, конфликт, эмоциональное состояние.

PECULIARITIES OF PROFESSIONAL COMMUNICATION BETWEEN OFFICERS OF INTERNAL AFFAIRS BODIES

Goncharova Elizaveta M.,
lawyer

Maryasis Irina B.
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor

Prostyakov Vladimir V.
Candidate of Psychological Sciences

The article deals with the specifics of professional communication among employees of law enforcement agencies when performing service tasks. Particular attention is paid to the initial phase of communication — the establishment of psychological contact.

Key words: psychology of communication, professional communication, psychological contact, communication barriers, conflict situations, interaction, conflict, emotional state.

Человеческая личность в целом формируется через посредство своих отношений к другим людям.
С.Л. Рубинштейн

Значение, важность общения для каждого человека трудно переоценить, так как оно — способ удовлетворения и регулирования основных потребностей, эмоций, поведения, канал воздействия человека на других людей и наоборот.

Общение является инструментом социализации человека, одним из способов существования и действия социальных образований, трансляции культуры и социального опыта от поколения к поколению.

В повседневной жизни общению человек учится с детства и овладевает разными его видами исходя из того, какая среда его окружает и с какими людьми он взаимодействует. Как правило, это происходит стихийно при получении житейского опыта. Для профессиональной деятельности, в случаях непосредственных контактов между людьми и передачи информации и знаний житейского опыта недостаточно, важно овладеть теоретическими познаниями в данной области.

Профессиональное общение проявляется в такой разновидности взаимодействия между людьми, которое воплощается в жизнь на основе определенного вида деятельности и нацеливается на достижение конкретного результата. Его сущностью является изменение взглядов, оценок, установок, намерений, психических состояний, поведения его участников путем обмена познавательной и аффективно-оценочной информацией в целях достижения конкретного эффекта.

Коммуникативная компетентность является нравственно-психологической категорией осуществляющей регуляцию системы отношений индивидуума к природе и социуму. Деятельность сотрудников органов внутренних дел невозможно представить без коммуникативных связей, где общение играет роль регулятора взаимоотношений сотрудников полиции и граждан. Вся их деятельность проходит на виду у

населения, и авторитет во многом зависит от поведения сотрудников полиции при общении с людьми. Необходимо, чтобы каждый сотрудник участливо относился к их просьбам и заявлениям, правильно оценивал их поведение. Часто существенные проблемы при общении появляются из-за необходимости вступать в общение, несмотря на свое отношение к собеседнику, на свое состояние, желание общаться и т.д.

Взаимоотношения сотрудников ОВД с гражданами связаны с различными социальными нормами, среди которых приоритетными признаются нормы права и морали, что проявляется в строгой регламентации служебной деятельности сотрудников.

Все это подчеркивает важность для сотрудников грамотно использовать знания по психологии общения, которые позволяют лучше понять свои проблемы и трудности, возможные причины успехов и неудач в общении, а также найти пути и способы повышения эффективности общения, что способствует перестройке своего мышления и поведения. При этом происходит лучшее понимание и прогнозирование поведения других людей, что в итоге приводит к наиболее эффективному общению с окружающими.

Наиболее распространенные виды деятельности, такие как профилактическая, оперативно-разыскная, следственная, предусматривают вступление сотрудников правоохранительных органов в психологический контакт с различными категориями граждан: с потерпевшими, свидетелями, подозреваемыми, обвиняемыми и т.п.

На практике процесс установления психологического контакта протекает по специфическим психологическим правилам. При этом необходимо учитывать этапы установления психологического контакта и условия его успешного проведения.

Психологический контакт — это прежде всего начальная фаза общения, в результате которой происходит взаимная увязка целей и интересов партнеров по общению, обеспечивающая их дальнейшее взаимопонимание.

Психологическое содержание контакта — это процесс адаптации субъекта к субъекту.

Эффективность установления и развития психологического контакта во многом обусловлена человеческими отношениями и развитием связей между общающимися.

В начале психологического контакта особое значение имеет прогнозирование общения и формирование модели партнера, где главная задача — сбор информации о партнере по общению. При возможности, с целью облегчения установления контакта, необходимо определить время, место, ситуацию, обеспечивающую реализацию намеченной стратегии поведения.

При непосредственном контакте особое значение приобретает начальная фаза, в ходе которой происходит формирование тенденции дальнейшего общения. Прежде всего необходимо снять у партнера предубеждение и заинтересовать его предстоящим общением. Затем важно оценить психическое состояние, отношение партнера к начавшемуся обще-

нию. В случае необходимости устранять помехи в общении, стимулировать интерес к продолжению взаимодействия.

Для успешного установления контакта целесообразно выполнение следующих условий: формирование высокой интеллектуальной и волевой активности у лица, выступающего инициатором контакта; умения регулировать свое эмоциональное состояние в соответствии с целями контакта; обеспечение соблюдения целостности собственного образа и т.п.

Важнейшим условием установления контакта, как, впрочем, и всего общения в целом, является умение слушать.

Сотрудники правоохранительных органов при установлении психологического контакта должны учитывать следующие факторы, которые могут затруднить взаимодействие: наличие заранее заданных установок, оценок, убеждений, стереотипов, имеющихся у сотрудника до начала общения; преждевременные заключения о личности партнера по общению до того, как о нем получена исчерпывающая и достоверная информация; эффект «проецирования», который проявляется в том, что другому человеку приписываются различные качества и особенности, присущие самому себе, собственные качества и эмоциональные состояния; эффект «ореола», который рассматривается как первая услышанная или увиденная информация о человеке или событии, что очень сильно оказывает влияние на все последующее отношение к этому человеку, и т.д.

Общение сотрудников с гражданами бывает затруднено наличием социально-психологических барьеров, связанных с такими факторами, как боязнь вступать в контакт с сотрудниками правоохранительных органов; недоверие со стороны граждан; неверие в эффективность их общения с сотрудниками ОВД; нежелание граждан отвлекаться от основных видов деятельности для оказания помощи в раскрытии и расследовании преступлений.

Среди психологических барьеров общения основное внимание следует уделить коммуникативным, таким как избегание, авторитет, непонимание. Избегание и авторитет — это защита от «источника» коммуникации, а непонимание — от самого сообщения.

Избегание является более эффективным и простым способом защиты от воздействия, когда можно вообще уклониться от контакта с партнером или просто пассивно воспринимать его сообщение. Избегание проявляется не только в избегании людей, но и уклонении от определенных ситуаций.

Действие барьера авторитета заключается в том, что, условно разделив всех людей на авторитетных и неавторитетных, человек доверяет только первым и отказывает в доверии вторым. Основания авторитетности могут быть различными: статус; взгляды; возраст; поведение и т.д.

Иногда «опасная» информация может исходить и от людей, которым мы доверяем, в таком случае защитой будет «непонимание» самого сообщения.

Выделяют 4 уровня непонимания: фонетический, семантический, стилистический, логический.

Фонетическое непонимание — если партнер говорит на непонятном нам языке (иностранном).

Семантическое — если коммуникация происходит на нашем языке, но чужом по смыслу, т.е. фиксируется другое значение слов (профессиональный жаргон и т.п.).

Стилистическое — непонимание может быть вызвано несоответствием между темой и формой и содержанием сообщения.

Логическое — когда один из участников общения не принимает логику и аргументы другого.

Иногда помехи в общении могут обуславливаться социальными или психологическими различиями между общающимися. Так, с одной стороны, такого рода барьеры вызваны объективными социальными причинами. С другой — могут возникнуть и вследствие индивидуальных психологических особенностей общающихся (стеснительность, замкнутость, боязливость и т.д.) или в силу сложившихся между ними особого рода отношений (неприязни, недоверия и т.д.).

Исходя из всего вышесказанного, общение сотрудников ОВД с гражданами, полнота общения, во многом зависит от возникновения или отсутствия коммуникативных барьеров, т.е. от того, как мы умеем передать информацию, преодолев эти барьеры, от того, насколько умело сотрудники будут вступать в контакт с гражданами, насколько быстро и эффективно будет протекать это взаимодействие, зависит конечный результат деятельности. Умение расположить человека к себе, завоевать его доверие позволяет установить доверительные отношения с ним и получить от него оперативно значимую информацию.

Часто, в силу специфики профессиональной деятельности, общение с гражданами носит конфликтный характер, что оказывает негативное влияние на результаты всей деятельности. В процессе деятельности сотрудников органов внутренних дел конфликты неизбежны, так как для преступников один из способов избежать или уменьшить уголовную ответственность состоит в противодействии сотруднику полиции, которое проявляется в форме различных конфликтов, возникающих вследствие несовпадения интересов этих лиц с профессиональными интересами сотрудников ОВД. Вследствие этого сотрудникам необходимо выбирать оптимальный вариант собственного поведения в каждой

конкретной ситуации и находить индивидуальный подход в общении с гражданами.

Особое место занимает процесс ведения переговоров с преступниками.

В заключение отметим, что эффективность работы сотрудников ОВД во многом зависит от их умения общаться с другим человеком, осуществлять индивидуальный подход. В связи с чем необходима высокая профессионально-психологическая подготовка по организации профессиональных контактов. Эффективность их использования напрямую зависит от знания психологических особенностей партнера по общению, наличия конкретных психологических навыков, позволяющих психологически грамотно подходить к конструированию актов профессионального общения, планируя в процессе их реализации решение служебных задач.

Литература

1. Аминов И.И. Психология делового общения : учеб. для студ. вузов / И.И. Аминов. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 304 с.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология / В.Л. Васильев. СПб. : Питер, 2012. 608 с.
3. Еникеев М.И. Юридическая психология : учебник / М.И. Еникеев. М. : НОРМА ; Инфра-М, 2014. 256 с.
4. Караяни А.Г. Психология общения и переговоров в экстремальных условиях: учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. / А.Г. Караяни, В.Л. Цветков. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2012. 246 с.
5. Марьясис И.Б., Простяков В.В. Конфликты в деятельности сотрудников органов внутренних дел / И.Б. Марьясис, В.В. Простяков // Юридическая психология. 2016. № 4. С. 9–12.
6. Марьясис И.Б. Интернет-общение и особенности его использования сотрудниками полиции / И.Б. Марьясис, В.В. Простяков, Е.М. Гончарова // Юридическая психология. 2017. № 3. С. 9–11.
7. Марьясис И.Б. Психологические особенности профессионального общения сотрудников ОВД : учеб. пос. для студ. высш. учеб. завед. / И.Б. Марьясис, И.В. Семчук, Е.М. Гончарова ; М-во внутренних дел Российской Федерации, Московский ун-т. М. : МосУ МВД России, 2012. 95 с.
8. Семчук И.В., Слободчикова Ю.В. Формирование коммуникативной компетентности сотрудников ОВД в процессе профессиональной деятельности / И.В. Семчук, Ю.В. Слободчикова // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 4. С. 249–253.
9. Шилкин А.М. Оптимизация механизмов урегулирования конфликта интересов на государственной гражданской службе / А.М. Шилкин // Управление в современных системах. 2014. № 2. С. 18–26.

ЧЕТЫРЕ ШАГА ОТ ТОЛЕРАНТНОСТИ ДО ЭКСТРЕМИЗМА: ПОНЯТИЙНО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Екимова Валентина Ивановна,
*заведующая кафедрой научных основ экстремальной психологии
факультета «Экстремальная психология»
Московского государственного психолого-педагогического университета,
доктор психологических наук, профессор
iroipse@mail.ru*

Кокурин Алексей Владимирович,
*доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат психологических наук
kokurin1@bk.ru*

Орлова Елена Александровна,
*профессор кафедры научных основ экстремальной психологии
факультета «Экстремальная психология»
Московского государственного психолого-педагогического университета,
доктор психологических наук
orlova.elena64@yandex.ru*

Стегнин Евгений Дмитриевич,
*магистрант кафедры научных основ экстремальной психологии
факультета «Экстремальная психология»
Московского государственного психолого-педагогического университета
afterend@yandex.ru*

В статье представлен обзор зарубежных и отечественных исследований в форме пошагового понятийно-феноменологического анализа. На первом шаге рассматривается дихотомия понятий толерантности / интолерантности: толерантность рассматривается в совокупности ее значений, уровней и контекстов проявления, ставится вопрос о неоднозначности градации феномена интолерантности и его пересечении с термином «ксенофобия». Вторым шагом представляет собой взгляд на особенности формирования ксенофобических установок, их формы и виды, перечисляются направления исследований негативных этнонациональных установок, отмечается наличие теоретических предпосылок их рассмотрения в контексте национализма. На третьем шаге анализируются представления о национализме как «экстремальном» или негативном патриотизме, обсуждаются исследования проявлений национализма у подростков и их близость к экстремизму. На четвертом — обсуждаются особенности экстремизма как крайней формы проявления интолерантных установок и их связь с фанатизмом, радикализмом и терроризмом. В работе отмечается наличие общих характеристик у обсуждаемых феноменов и поднимается вопрос о необходимости рассмотрения интолерантности, ксенофобии, национализма и экстремизма в единых феноменологических рамках и в непосредственной связи с конкретной социально-политической и экономической ситуацией. Делается вывод о необходимости дальнейшего исследования природы, взаимосвязей и специфики обсуждаемых феноменов, что позволит предупредить их опасные массовые проявления.

Ключевые слова: толерантность, интолерантность, ксенофобия, национализм, экстремизм.

FOUR STEPS FROM TOLERANCE TO EXTREMISM: CONCEPTUAL AND PHENOMENOLOGICAL ANALYSIS

Ekimova Valentina I.
*Head of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology
of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education
Doctor of Psychology, Professor*

Kokurin Aleksey V.
*Assistant Professor of the Department of Criminology and Penal Law
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Candidate of Psychological Sciences, Assistant Professor*

Orlova Elena A.

*Professor of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education
Doctor of Psychology, Professor*

Stegnin Evgeny D.

Graduate Student of the Department of Scientific Foundations of Extreme Psychology of the Faculty of Extreme Psychology of the Moscow State University of Psychology and Education

The article presents the review of Russian and foreign researches in the form of the step by step conceptual and phenomenological analysis. On the first step, the article considers dichotomy of the concepts "tolerance / intolerance" where tolerance steps forth with the abundance of its meanings, levels and the circumstances of manifestation. The ambiguity of the definition of intolerance and its intersection with the term "xenophobia" are discussed. On the second step, the article reviews the peculiarities of xenophobic settings formation their forms and types, and presents the theoretical background of their consideration in the context of nationalism. On the third step, we analyze the ideas of nationalism as "extreme" or negative patriotism and ethnic intolerance; the researches of adolescents' nationalist manifestations and extremist tendencies are reviewed. On the fourth step, we analyze specificity of extremism as the ultimate form of intolerance and its connection with fanaticism, radicalism and terrorism. The article marks common characteristics of the phenomena discussed and raises the question of consideration of intolerance, xenophobia, nationalism and extremism in the common conceptual frame and in close connection with socio-political and economic situation. A conclusion is drawn on the need of further investigations of socio-psychological nature, relationship and specificity of the phenomena under discussion, which will help to prevent their dangerous mass manifestations.

Key words: tolerance, intolerance, xenophobia, nationalism, extremism.

В большинстве толковых словарей понятие «толерантность» (от лат. *tolerantia*) определяется как «принятие», «терпение», «терпимость». Принято считать, что изучение феномена толерантности началось с исследований Г. Олпорта, К. Роджерса, А. Маслоу и В. Франкла [4; 5].

В контексте теории личности А. Маслоу, терпимость выступает в качестве одного из ведущих принципов, дающих ключ к пониманию сути человека и определяющих специфику взаимодействия людей [5].

Принцип терпимости достаточно ярко выражен и в русле концепции полноценно функционирующей личности, и в недирективном подходе к психотерапии К. Роджерса. Оказать помощь другому, в частности в разрешении возникающих у него проблем, можно только опираясь на безусловное позитивное его принятие и на присущее каждому человеку стремление к свободе и саморазвитию [5].

О. Хеффе связывает толерантность с идеей религиозной свободы, подразумевая, что толерантность означает действенность и гарантии свободы других, уважение к чужому мировоззрению и способам поведения в своей инаковости. Он подчеркивает также, что всеобщий принцип свободы и толерантности получил признание благодаря конфессиональной терпимости в результате продолжительного духовного и общественно-политического прогресса [15].

В современной отечественной психологии ряд авторов, в частности, А.Г. Асмолов и Г.У. Солдатова считают, что понятие толерантности раскрывается через три взаимопересекающихся значения: устойчивость, терпимость и допустимое отклонение [4; 14].

При этом А.Г. Асмолов предлагает рассматривать толерантность в совокупности следующих контекстов: эволюционно-биологического, медицинского, биосоциального, социального, этнического, политического, философского и психологического.

Он рассматривает толерантность как личностное свойство, означающее принятие другого человека, взаимную помощь и доверие, а также признание ценностей многообразия человеческой культуры [4].

Трактовка Г.У. Солдатовой несколько иная: толерантность отражает интуитивное восприятие единства человечества, всеобщую взаимосвязь людей и уважение прав другого человека [14].

Рассматривая феномен за рамками непосредственно межличностных отношений, где толерантность имеет как положительную, так и отрицательную валентность (интолерантность) и затрагивает прежде всего систему ценностей и норм, М.С. Мацковский выделяет несколько ее уровней:

- протекционистская толерантность — это непредвзятое отношение к объекту толерантности, формирование защиты от интолерантного отношения;

- ценностная толерантность — система ценностей, связанная с неукоснительным следованием принципам толерантности;

- скрытая интолерантность — понимание опасности интолерантности индивидом при наличии определенного предвзятого отношения;

- вербальная интолерантность — публичные высказывания, носящие негативный характер;

- агрессивная поведенческая интолерантность — оправданность определенных действий, направленных на объект интолерантности [привод. по: 5].

Исследуя дуализм феномена толерантность-интолерантность, Г.У. Солдатова выделяет ряд социально-психологических особенностей интолерантных лиц. Так, индивиды, склонные к интолерантному поведению, демонстрируют сильную потребность в этнической ассоциированности и особенно активно реагируют на национальные проблемы. Они обладают гипертрофированным стремлением

к позитивной идентификации со своей этнической группой и приписывают ей более высокий статус по сравнению с другими. Одновременно чем выше они оценивают собственную группу, тем больше негативных характеристик приписывают чужим. По мнению Г.У. Солдатовой, этнически интолерантные личности являются катализирующим фактором для социальных групп, в которых они состоят, а их активность влияет на представленность и усиливает степень распространения негативных этнонациональных установок, тем самым превращая группу в субъект интолерантности и провоцируя возникновение ксенофобии [14].

Шаг 2: От интолерантности до ксенофобии

Понятие ксенофобии часто используется наряду с понятием интолерантности. Под ксенофобией понимается форма оценочного, аффективного и поведенческого предубеждения в отношении тех, кто воспринимается как чужой, в частности — иммигрантов [8]. Ксенофобия выражается в отрицательных оценочных суждениях, антипатии, враждебности, а в крайних проявлениях — в агрессивных и насильственных действиях по отношению к любому чужому, незнакомому.

Основой для ксенофобических проявлений служит страх человека перед неизвестностью, отношение к незнакомому как к непонятному, враждебному и небезопасному. А.С. Штемберг выделяет следующие формы ксенофобии: реальные и воображаемые, приобретающие символические или ритуализированные формы, непосредственные или опосредованные, межличностные, межгрупповые и массовые. Все формы ксенофобии неизбежно и последовательно сужают сферу взаимопонимания и взаимодействия между людьми, ставя во главу угла человеческих отношений агрессию и конфликты [привод. по: 3].

В рамках этнопсихологии принято выделять следующие виды ксенофобии: этническая, расовая, религиозная и социальная, при этом ее объектами могут быть как отдельные индивиды, так и малые и большие группы, а также социальные общности. Как считает Л.А. Апанасюк, ксенофобские установки формируются спонтанно, однако возможно и целенаправленное формирование идеологической ксенофобии [3].

К ксенообразующим факторам принято отнести:

- цивилизационный (исторически сложившиеся культурные стереотипы взаимодействия);
- исторический (эволюция образа врага и соседа);
- дифференцированный (внутренняя дифференциация некоторых этносов в зависимости от различных факторов) [8].

Среди зарубежных исследований по проблеме ксенофобии можно условно выделить три направления работ:

- исследования на уровне внутриличностных психических процессов — изучение взаимодействия эксплицитных и имплицитных установок (Дж. Дег-

нер, Ф.А. Вайт), индивидуальных ценностных ориентаций (Н. Ктейли, Дж. Кросс, Х. Коффе), а также воздействия эмоциональной сферы на проявления ксенофобии (Б. Чома, К. Костелло) [10; 19; 22; 24];

- исследования на уровне групповых взаимоотношений (Дж. Шаафшма, К. Уильямс), среди которых выделяются процессы социальной изоляции и социального принятия [10; 26];

- исследования на уровне социокультурных, публичных взаимоотношений (Х. Зьебертз, Л. Туин), к которым относится воздействие идеологии и влияние различного рода массовидных явлений [10; 28].

В рамках первого направления интересны исследования, проведенные в США К.С. Браун, изучавшей отношение детей в возрасте 5–11 лет к иммигрантам, иммигрантской политике, а также понимание того, что для них означает быть американцами. Как оказалось, большинство американских детей обладают устойчивой этнической идентичностью и имеют четкие представления о том, что для них означает быть американцами. При этом негативные установки по отношению к чужим свойственны прежде всего детям, жестко идентифицированным со своей этнической группой. Автором было сделано предположение, что негативные установки по отношению к иммигрантам возникают у детей под воздействием взрослых [18].

Второе направление исследований ксенофобских установок затрагивает конфликтные взаимоотношения между разными этническими группами. В качестве примера можно привести исследование М. Зембилас, которое показало, что киприотские подростки в основном предпочитают модель сепарации в отношениях с мигрантами [27].

В русле третьего направления изучения ксенофобии интерес был сосредоточен в основном на исторически сложившейся в обществе социокультурной ситуации. По мнению авторов, именно общественная ситуация формирует предпосылки и ограничения, способствующие или препятствующие формированию и поддержанию ксенофобских установок.

В работах отечественных психологов, занимающихся проблематикой ксенофобии (А.Г. Асмолов, Л.М. Дробижева, Д.А. Леонтьев, Т.П. Скрипкина), особое внимание уделяется целостной системе психологической устойчивости личности. По мнению ученых, общая культура толерантности (взаимопомощь, альтруизм, эмпатия) противостоит культуре ксенофобии (неприязнь, ненависть, вражда) и преодоление ксенофобских установок возможно, в частности, за счет развития толерантных свойств личности [4; 9; 10].

В совместном исследовании Е.Г. Дозорцевой и О.Д. Маланцевой установлено, что предпосылки к формированию социальных, в частности этнонациональных, установок возникают в раннем подростковом возрасте. Была выявлена обратная зависимость между выраженностью ксенофобических установок подростков и уровнем развития у них смысловых образований и моральных суждений, а также прямая связь этих установок с агрессивностью, спонтанностью, слабостью самоконтроля и склонностью к нарушению социальных норм [8].

Исследователи обнаружили также гендерные различия в проявлениях ксенофобии: юноши были более склонны к формированию ксенофобических установок, в отличие от девушек, которые имели более высокий уровень моральных суждений и проявляли меньшую агрессивность [8].

Отдельно стоит упомянуть исследование Н.В. Мешковой, изучавшей связь ксенофобских установок с такими личностными характеристиками, как враждебность, агрессивность, страх новизны; в работе также анализировались особенности восприятия мира и полоролевая идентичность субъекта. В результате были выявлены тесные корреляционные связи практически всех перечисленных показателей с оценками ксенофобических проявлений и обнаружена прямая связь ксенофобии с характеристиками авторитарного типа личности [11].

Авторитарная личность как психологическое понятие было предложено Э. Фроммом и позднее использовано Т. Адорно, исследовавшим индивидуально-психологические особенности лиц, склонных к ксенофобии. Т. Адорно и его коллеги отмечали, что авторитарные личности гораздо чаще других имеют предубеждения по отношению не к одной, а ко многим социальным общностям, отличным от их собственной.

Авторитарный человек склонен не замечать собственных отрицательных качеств, однако с готовностью приписывает их разным социальным группам. Т. Адорно считал, что зависимость авторитарных людей от родителей и страх, который они им внушают, в сочетании с нелюбовью и недоверием являются движущей силой переноса и перенаправления собственных негативных агрессивных импульсов на других людей и «чужие» социальные группы. Т. Адорно отмечал, что именно авторитарный тип личности в большей степени подвержен феноменам ксенофобии и национализма [1].

Шаг 3: От ксенофобии до национализма

Данное понятие, несмотря на то что носит междисциплинарный характер, в значительной степени политизировано, и, возможно, поэтому в настоящее время нет четкого определения национализма в психологии. Р. Костерман и С. Фешбах, считающиеся первопроходцами в этом направлении, определяют национализм как установку на конкуренцию, превосходство своей страны и необходимость ее доминирования [привод. по: 16].

Х. Деккер, Д. Малова и С. Хагендоор определяют национализм как крайний, «экстремальный» вариант патриотизма, связанный с переживанием «единства происхождения» и обусловленный соперничеством с внешними социальными группами, благодаря чему формируется исключительно позитивное отношение к своим согражданам и государству. При этом чем сильнее выражено предпочтение, тем более отрицательными могут быть установки по отношению к другим народам [20].

По мнению Д. Друкмана, национализм — это преданность «своим» в совокупности с тенденцией к исключению «чужих» и готовность жертвовать,

поддерживаемая враждебностью по отношению к другим [22].

Л. Дооб на материалах исследования жителей Южного Тироля описал «националистический синдром» как сочетание положительных установок по отношению к «собственному» социуму и чаще всего враждебных к другим социальным группам. Составляющие данного синдрома — патриотизм и этноцентризм, т.е. положительные и негативные аттитюды, связанные с национальной и государственной принадлежностью [привод. по: 16].

Х. Вайс в масштабном сравнительном исследовании национализма в странах Европы рассматривал националистические аттитюды в связи с гипероценкой и идеализацией собственной нации и культуры вкупе с завышенной оценкой ее международной значимости и «государственным эгоизмом». Он установил, что этническая интолерантность, а также социальный и профессиональный статус респондента, как правило, оказывают значительное влияние на националистические установки.

В целом было установлено, что воздействие политических взглядов на националистические установки не является однозначным и связано с конкретными историческими и политическими реалиями страны [26].

В рамках общего исследования взаимосвязи национализма и патриотизма Т. Бланком и П. Шмидтом были выделены следующие характеристики национализма:

- чувство национального превосходства;
- идеализация нации и ее истории;
- некритичное согласие с национальными авторитетами;
- сверхвысокое значение привязанности к национальной группе;
- подавление амбивалентных установок по отношению к нации;
- высокая вероятность принижения чужой нации при социальном сравнении;
- склонность представлять свою группу как гомогенную [17].

Следует, однако, заметить, что различия между патриотизмом и национализмом зачастую носят неоднозначный и неочевидный характер, и, как отмечает М. Кеммельмейер, рост патриотизма может сопровождаться или не сопровождаться ростом национализма [привод. по: 16].

В отечественной психологии национализм принято рассматривать в общем контексте с патриотизмом, представляя данные феномены как единый многомерный конструкт. Так, О.Е. Хухлаевым были выделены два вида патриотизма: конструктивный и деструктивный. Для конструктивного патриотизма характерны такие проявления, как ин-групповой фаворитизм и самоидентификация ин-группы, в то время как деструктивный патриотизм (он же национализм) отличается аут-групповой дискриминацией при «релятивном» сравнении аут-группы с ин-группой [16].

В исследовании О.Е. Хухлаева, И.М. Кузнецова и Н.В. Ткаченко, в ходе которого происходила

апробация методики «Шкала этнонациональных установок», было выявлено, что у учащихся кадетских образовательных учреждений преобладают негативные националистические установки, позитивное отношение к национализму и неприятие так называемых аут-групп. Подобная позиция может послужить в дальнейшем основой формирования у кадет образа «потенциального врага», которым с большой вероятностью окажется представитель другой национальности [16].

Данный факт может быть частично объяснен специфическими характеристиками выборки: возрастом респондентов и преобладанием представителей мужского пола, склонных в целом негативно относиться к «чужакам», влиянием военно-патриотической направленности образовательного учреждения и др. Это, однако, не снижает, а скорее повышает опасность «разжигания» ксенофобических настроений и националистической вражды в среде кадет.

Необходимо отметить, что наиболее характерные признаки национализма — «черно-белый» взгляд на мир и разделение людей на «своих» и «чужих», по мнению В.Н. Амелина, объединяют его с таким исключительно опасным социальным феноменом, как экстремизм [2]. Несмотря на отсутствие собственно психологических исследований взаимосвязи национализма и экстремизма, общепризнанной основой последнего наряду с крайне радикальными идеологическими и политическими позициями и религиозным фанатизмом является национализм.

Шаг 4: От национализма до экстремизма

Экстремизм определяют как приверженность крайним, преимущественно насильственным средствам социального воздействия ради достижения целей определенной группы людей. С позиций политологии экстремизм заключается в стремлении нарушить стабильное функционирование общественных институтов и политических структур при использовании в качестве инструмента демагогии, призывов к насилию, террористических актов и партизанской войны [6].

Результаты исследований феномена экстремизма в психологии немногочисленны и противоречивы в силу сложности и междисциплинарности предмета, неопределенности в выборе научных подходов и ограниченного числа используемых методов [6; 13].

В современной западной психологии изучению данной проблемы посвящены немногочисленные работы, среди которых можно условно выделить два направления:

— исследования М. Хогга в рамках теории тождества неопределенности (Uncertainty-identity theory), затрагивающие вопросы самоидентификации и идентификации личности с группами экстремистской направленности [23];

— изучение феномена «онлайн-экстремизма» в работах М. Костелло, Дж. Хэвдона, Т. Рэтлиффа и Т. Грэнтема, в которых обсуждаются особенности существования экстремистских организаций в сети Интернет [19].

В отечественной психологии проблема экстремизма, как правило, исследуется с междисциплинарных позиций и в тесной связи с «родственными» социально-политическими явлениями. Так, Д.В. Ольшанский рассматривает экстремизм сквозь призму смежных понятий, выделяя цепочку «радикализм — экстремизм — фанатизм и фундаментализм — терроризм» [12].

По мнению А.А. Деркача, в отличие от экстремизма, проявляющего в непосредственных действиях и конкретных методах, радикализм носит преимущественно «идейный», теоретический характер. В таком контексте экстремизм является действенным продолжением и развитием идей радикализма [7].

Проследивая цепочку феноменологических трансформаций, Д.В. Ольшанский отмечает, что крайности, свойственные радикализму и экстремизму, имеют способность накапливаться, перетекая в фанатизм. В качестве одного из инструментов фанатизма и экстремизма Д.В. Ольшанский рассматривает терроризм, как особую форму политического насилия — совершение демонстративно деструктивных действий, нанесение материального ущерба или уничтожение противника с целью запугивания [12]. По мнению Л.М. Дробижевой и Э.А. Паина, терроризм следует рассматривать как разновидность политического экстремизма в его насильственных проявлениях [9].

Среди факторов, способствующих возникновению и развитию экстремизма, чаще всего называют социально-экономические кризисы, падение жизненного уровня, ухудшение социальных перспектив и страх перед будущим. Наряду с внешними, психологи рассматривают также и субъективные, внутренние факторы: невозможность удовлетворения притязаний личности, возникновение интолерантных установок, возрастание агрессии и поиск личностей и групп, соответствующих образу «внешнего врага» [13].

Заключение

Рассмотрев ряд исследований, посвященных изучению толерантности-интолерантности, ксенофобии, национализма и экстремизма, можно предположить, что вышеуказанные явления обладают определенными общими характеристиками, позволяющими рассматривать их в едином феноменологическом поле. Так, характеристики интолерантности схожи с показателями ксенофобских установок, являющихся частью и основой национализма, который в свою очередь в определенных условиях порождает экстремизм.

Проявления интолерантности, национализма и ксенофобии, как правило, усиливаются в условиях осложнения социально-политической и экономической обстановки, в периоды кризисов и социальных сдвигов. И тогда обращение к национальным чувствам, наиболее устойчивым и характерным для достаточно широкого круга людей негативным социальным установкам может использоваться для инспирирования экстремистских и террористических проявлений, создавая вполне реальную силу, объединенную едиными лозунгами, стремлениями

и целями, способную выплеснуть мощный заряд агрессивности в той или иной опасной для окружающих форме.

При этом четкое понимание природы, взаимосвязей и специфики обсуждаемых феноменов позволяет не только своевременно обнаружить, но и предупредить исключительно опасные массовые проявления национализма, ксенофобии и экстремизма.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности / Т. Адорно. М. : Серебряные нити, 2001. 416 с.
2. Амелин В.Н., Дегтярев А.А. Социология политики в России: становление и современное состояние / В.Н. Амелин, А.А. Дегтярев // Мир России. Социология. Этнология. 1997. № 1. С. 129–162.
3. Апанасюк Л.А. Ксенофобия как предмет социально-культурного исследования / Л.А. Апанасюк // Вестник Тамбовского университета. 2013. № 13. С. 225–232.
4. Асмолов А.Г. На пути к толерантному сознанию / А.Г. Асмолов. М. : Смысл, 2000. 256 с.
5. Ахмедпашаева К.А., Алиева Л.Б. К проблеме толерантности в общественном сознании / К.А. Ахмедпашаева, Л.Б. Алиева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 4–2. С. 15–18.
6. Бардиер Г.Л., Суханова Н.В. Исследование представлений студентов об экстремизме / Г.Л. Бардиер, Н.В. Суханова // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2004. № 6. С. 78–88.
7. Деркач А.А. Политическая психология / А.А. Деркач. М. : Академический проект, 2003. 858 с.
8. Дозорцева Е.Г., Маланцева О.Д. Психологические особенности подростков, склонных к ксенофобии / Е.Г. Дозорцева, О.Д. Маланцева // Психологическая наука и образование. 2010. № 2. С. 44–53.
9. Дробижева Л.М., Паин Э.А. Политический экстремизм и терроризм: Социальные корни проблемы / Л.М. Дробижева, Э.А. Паин // Век толерантности. 2003. № 5. С. 27–37.
10. Маланцева О.Д. Современные направления исследования ксенофобии среди подростков / О.Д. Маланцева // Современная зарубежная психология. Т. 1. 2012. № 3. С. 14–25.
11. Мешкова Н.В. Психологические источники межгрупповой предубежденности / Н.В. Мешкова // Психология человека в современном мире. Личность и группа в условиях социальных изменений / отв. ред. А.Л. Журавлев. Вып. 5. М. : Институт психологии РАН, 2009. С. 285–287.
12. Ольшанский Д.В. Психология терроризма / Д.В. Ольшанский. СПб. : Питер, 2002. 288 с.
13. Почебут Л.Г., Безносков Д.С. Психологические аспекты экстремизма и терроризма / Л.Г. Почебут, Д.С. Безносков // Вестник СПбГУ. 2010. № 12-1. С. 287–299.
14. Солдатова Г.У., Макачук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии / Г.У. Солдатова, А.В. Макачук. М. : Генезис, 2006. 256 с.
15. Хеффе О. Плюрализм и толерантность: к легитимизации в современном мире / О. Хеффе // Философские науки. 1991. № 12. С. 22–27.
16. Хухлаев О.Е. Психология национализма в зарубежных исследованиях / О.Е. Хухлаев // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 15–29.
17. Blank, T., Schmidt, P. National Identity in a United Germany: Nationalism or Patriotism? An Empirical Test With Representative Data / T. Blank, P. Schmidt // Political Psychology. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 90–95.
18. Choma, B.L. Intergroup disgust sensitivity as a predictor of islamophobia: The modulating effect of fear / B.L. Choma, G. Hodson, K. Costello // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. No. 2. P. 499–506.
19. Costello, M. Who views online extremism? Individual attributes leading to exposure / M. Costello, J. Hawdon, T. Ratliff // Computers in human behavior. 2016. Vol. 63. P. 311–320.
20. Dekker, H. Nationalism and Its Explanations / H. Dekker, D. Malov, S. Hoogendoorn // Political Psychology. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 63–70.
21. Degner, J. Hostility-Related Prejudice Against Turks in Adolescents: Masked Affective Priming Allows for a Differentiation of Automatic Prejudice / J. Degner, D. Wentura, B. Gnewosz, P. Noack // Basic and Applied Psychology. 2007. Vol. 29. No. 3. P. 245–256.
22. Druckman, D. Nationalism, patriotism, and group loyalty: a social-psychological perspective / D. Druckman // Mershon International Studies Review. 1994. Vol. 38. No. 1. P. 21–31.
23. Hogg, M. From uncertainty to extremism: Social Categorization and identity process / M. Hogg // Current directions in psychological Science. 2014. Vol. 23. No. 5. P. 338–342.
24. Kteily, N.S. Social dominance orientation: Cause or ‘mere effect’? Evidence for SDO as a causal predictor of prejudice and discrimination against ethnic and racial outgroups / N.S. Kteily, J. Sidanius, S. Levin // Journal of Experimental Social Psychology. 2011. Vol. 47. No. 1. P. 208–214.
25. Schaafsma, J., Williams, K.D. Exclusion, intergroup hostility, and religious fundamentalism / J. Schaafsma, K.D. Williams // Journal of Experimental Social Psychology. 2012. Vol. 48. No. 4. P. 829–837.
26. Weiss, H.A. Cross-national comparison of nationalism in Austria, the Czech and Slovak Republics, Hungary, and Poland / H.A. Weiss // Political Psychology Volume. 2003. Vol. 24. No. 2. P. 40–45.
27. Zembylas, M. Greek Cyprial adolescent attitudes toward immigrant and “enemy-other” in the content of an ethnic conflict / M. Zembylas, A. Michaelidou, T. Afantintou-Lambrianou // Mediterranean Journal of Educational Studies. 2010. Vol. 15. No. 1. P. 5–39.
28. Ziebertz, H.-G., Tuin, L. Displeasure at plurality and fear of strangers? An empirical study among youth in Germany and the Netherlands / H.-G. Ziebertz, L. Tuin // Intercultural Education. 2008. Vol. 19. No. 1. P. 53–65.

ПСИХОТЕХНИКИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЛИЧНОГО ПРИЕМА ГРАЖДАН РУКОВОДИТЕЛЕМ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА

Цветков Юрий Анатольевич,
заведующий кафедрой управления следственными органами
и организации правоохранительной деятельности
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, клинический психолог
yutsvet@yandex.ru

В статье анализируются психологические, этические и организационные проблемы личного приема граждан руководителем следственного органа. Высказываются практические рекомендации, направленные на повышение эффективности личного приема в следственных органах.

Ключевые слова: руководитель следственного органа, личный прием граждан, активное слушание.

PSYCHOLOGICAL TECHNIQUES INCREASING EFFICIENCY OF PERSONAL RECEPTION OF CITIZENS BY AN INVESTIGATIVE BODY HEAD

Tsvetkov Yuriy A.
Head of the Department of Investigative Body Administration
and Law Enforcement Activity Arrangement of the Moscow Academy
of the Investigative Committee of the Russian Federation
Candidate of Legal Sciences, Clinical Psychologist

The article analyzes the psychological, ethical, and organizational issues of a personal reception of citizens by head of the investigative body. Speak out practical recommendations aimed at improving the effectiveness of personal reception in the investigative bodies.

Key words: head of the investigative body, personal reception of citizens, active listening.

Основным условием успешной коммуникации является стабильность системы обратной связи. В следственных органах такую связь между системой и средой обеспечивает механизм личного приема граждан руководителем следственного органа.

Большое значение личному приему придает председатель Следственного комитета Российской Федерации. На заседании коллегии А.И. Бастрыкин рассказал, что к нему обратилась женщина. У нее на железной дороге погиб единственный ребенок, которого она воспитывала без мужа. Прийти на прием ее вынудило то, что она не смогла найти понимания и сочувствия у нижестоящих руководителей. По этому поводу А.И. Бастрыкин отмечает: «Пришла женщина с бедой. Вы представляете, какая у нее перспектива на будущее? <...> У человека полная катастрофа в жизни. И большинству даже не деньги нужны, а моральная сатисфакция. Осознание, что есть государство, которое воздаст должное каждому по делам его. <...> И многие наши руководители и следователи не хотят с этой бедой встречаться. Не хочешь с бедой встречаться — иди туда, где праздник. Диджеем в ночной клуб: там полный праздник до утра. Если надел погоны Следственного комитета и к тебе пришел человек с бедой — то сиди и разговаривай, сколько надо. Час, два, три — сколько надо. А потом прими законное решение. А не так, как мне жалуются: “Не дозвониться, не достучаться: я при-

хожу, а меня выталкивают из кабинета”. Дай чаю, посиди, поговори с ней. Меня больше всего, кстати, это убивает. Вы знаете мою позицию по этому вопросу: вот этого никогда не приму. Никогда не приму и не пойму»¹.

В системе Следственного комитета Российской Федерации личный прием граждан организован по следующему графику:

- председатель СК России — не реже 1 раза в месяц, как по месту нахождения центрального аппарата, так и в общественных приемных по месту нахождения главных следственных управлений и следственных управлений по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных следственных управлений;
- заместители председателя СК России — не реже 1 раза в месяц;
- руководители следственных подразделений и подразделений процессуального контроля центрального аппарата СК России — не реже 2 раз в месяц;
- руководители главных следственных управлений и следственных управлений по субъектам Российской Федерации и приравненных к ним специализированных следственных управлений — не реже

¹ Расширенное заседание коллегии Следственного комитета Российской Федерации, посвященное итогам работы следственных органов за 2013 год и задачам на 2014 год (г. Москва, 27.02.2014).

1 раза по местонахождению аппарата следственного органа и не реже 1 раза в неделю с выездом в один или несколько подчиненных межрайонных следственных отделов;

— руководители межрайонных следственных отделов, следственных отделов и отделений СК России по районам, городам и приравненным к ним, включая специализированные (в том числе военные), — не реже 1 раза в неделю.

Прием граждан в Следственном комитете и его следственных органах проводится в течение всего рабочего дня согласно графику, который утверждается руководителем этого органа и должен быть вывешен в доступном для граждан месте².

Помещения, предназначенные для приема граждан, должны быть оборудованы техническими средствами обеспечения аудио- и (или) видеозаписи. Граждане должны быть обязательно уведомлены о ведении аудио- и (или) видеозаписи процесса приема. Носители информации, полученной в ходе аудио- и (или) видеозаписи приема граждан, подлежат приобщению к принятым заявлениям³.

Традиционно считается, что инициатива прийти на прием к руководителю должна исходить от заявителя. Однако в отдельных случаях инициатором личного приема может и должен выступать сам руководитель. Он может пригласить к себе граждан, если видит, что по поводу того или иного расследования возрастает социальная напряженность, либо если считает, что для полноты картины необходимо услышать и увидеть потерпевших лично. В любом случае руководителю следует выступать инициатором приема, если к нему поступила жалоба на поведение следователя на работе или в быту, содержащая серьезные факты.

Руководитель должен быть подготовлен к личному приему и заранее изучить вопрос, в связи с которым к нему обращается заявитель. Предварительно рекомендуется заслушать следователя с материалами уголовного дела, а если прием ведет руководитель следственного управления по субъекту Федерации, то ему должен предшествовать доклад нижестоящего руководителя. В штате региональных следственных управлений могут быть предусмотрены должности помощников руководителя по приему граждан. На этих должностных лиц возлагаются обязанности по организации приема и подготовке необходимых материалов для руководителя. Они должны своевременно ставить руководителя в известность о том, какие проблемы, в том числе психологического характера, могут возникнуть в ходе приема, и лично присутствовать на каждом приеме.

² Инструкция о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации (утв. приказом Следственного комитета при прокуратуре РФ от 19.09.2007 № 17); Приказ СК России от 21.01.2011 № 13 «О совершенствовании приема граждан в системе Следственного комитета Российской Федерации».

³ Распоряжение Председателя СК России от 20.10.2016 № 124/206р «О некоторых вопросах организации приема граждан в Следственном комитете Российской Федерации».

Однократным приемом взаимоотношения руководителя с гражданами ограничиваются не всегда. Гражданин остается неудовлетворенным дальнейшим ходом и результатами проверки или расследования и обращается на прием второй, третий раз и т.д. При повторном приеме рекомендуется участие следователя или инспектора процессуального контроля, который в присутствии гражданина, не раскрывая тайны следствия, докладывает, какая работа проделана с момента последнего приема, разъясняет какие-то детали дела и получает от руководителя конкретные указания. Такой прием является более эффективным как для руководителя, так и заявителя.

В отдельных случаях, но чаще всего при повторном приеме, целесообразно привлечь к участию членов общественного совета, например, уполномоченного по правам человека, священника или муллу. Предварительно гражданин должен быть извещен о цели их участия и дать на это свое согласие. Расширенный круг участников личного приема дает почувствовать самому заявителю, что его не оставили один на один с его бедой. Кроме того, если к разрешению проблемы подключаются другие лица, то и следственному органу будет проще сосредоточиться на своей работе.

Теперь следует разобраться, как вести себя на личном приеме. Здесь надо исходить из того, что ваша основная и, может быть, даже единственная задача — это внимательно выслушать человека, дать ему выговориться. Для того чтобы посетитель остался удовлетворенным личным приемом, рекомендуется освоить *технология активного слушания*. Она была разработана российским психологом Ю.Б. Гиппенрейтер и состоит в следующем. Стратегия слушателя направлена на то, чтобы дать понять человеку: «Я вас слышу». Он должен почувствовать, что вы знаете о его переживании и понимаете его. Ваша задача состоит не в том, чтобы переубеждать или утешать человека («Ничего страшного, все будет хорошо» и т.п.). Наоборот, надо «возвращать» ему его переживание в ходе беседы («Да, это очень тяжело» и т.п.). Для этого необходимо следовать ряду правил:

а) установить зрительный контакт с человеком, а не читать документы и не смотреть по сторонам;

б) если человек расстроен, начать не с вопросов, а с утверждений («Вы расстроены», «Вам сейчас очень трудно» и т.п.);

в) держать паузу, не пытаться заполнить ее своими словами, дать человеку еще подумать и выговориться до конца;

г) сформулировать то, как вы поняли суть жалобы, но другими словами («Я понял, что с вами произошло несчастье и вы хотели бы, чтобы виновные понесли наказание» и т.п.).

В результате умелого использования технологии активного слушания достигаются четыре цели:

— ослабевает острота переживания посетителем своей проблемы;

— он начинает больше рассказывать и лучше ориентироваться в своей проблеме;

— открывается для активного слушания и становится готовым услышать вас и ваши аргументы

(«Здесь вопросы не совсем Следственного комитета, но мы обязательно поможем вам обратиться в тот орган, в компетенцию которого входит разрешение вашей проблемы» и т.п.);

— сам продвигается в разрешении своей проблемы («Да, наверное, не Следственный комитет должен заниматься этой проблемой, но спасибо, что выслушали»).

Если по делу или материалу не принято решения, то ни в коем случае не следует высказывать свою позицию. Изначально руководителю может показаться очевидным, что юридических оснований для удовлетворения требований заявителя нет. Говорить об этом ему нельзя. В противном случае у него создается впечатление, что решение уже предreshено, и в его проблеме никто разбираться не будет. Правильным будет сказать, что вы тщательно разберетесь в ситуации и дадите подробный мотивированный ответ.

Внимательное отношение к гражданам — это отнюдь не заискивание перед ними. Существуют ситуации, в которых руководитель должен проявлять жесткость и пресекать неправильное поведение посетителя. Никогда не следует вступать в обсуждение других должностных лиц: прокуроров, судей и т.д. Если заявитель утверждает, что кто-то из этих лиц получил взятку, предложите написать заявление о возбуждении уголовного дела и предупредите об уголовной ответственности за заведомо ложный донос. Не стоит давать свою оценку судебным постановлениям, тем более если они вступили в законную силу. Необходимо дать разъяснение, как следует обжаловать такие постановления. Если заявитель допускает нецензурную брань и оскорбления, сделайте замечание и прекратите прием.

Существует еще один деликатный вопрос, который мы не можем обойти стороной. Деятельность правоохранительных органов часто притягивает душевнобольных. Такие люди тоже могут прийти на прием. Если гражданин сообщает явно бредовые сведения (преследуют инопланетяне, является жертвой правительственного заговора, получает странные сообщения через электроприборы и т.п.), то, несмотря на абсурдность таких жалоб, воздержитесь от ухмылок, шуток или издевок. Искажённое восприятие мира и самого себя приносит душевнобольному сильные страдания. Болезнь — не повод для насмешек, а основание для сочувствия. Однако лично вы помочь ему ничем не сможете: это задача

врачей. Характерной особенностью бреда является его неразубеждаемость. Поэтому не пытайтесь переубедить душевнобольного, привести ему какие-то логические аргументы его неправоты, задавать дополнительные вопросы по содержанию бреда — все это будет только провоцировать дальнейшее раскручивание бреда.

Необходимо вкратце выслушать душевнобольного с нейтральным выражением лица. Техника активного слушания в данном случае неприменима. Не следует давать оценок услышанному такого типа, как: «Это же бред», «чушь» и т.д. Имейте в виду: попытка активно и эмоционально включиться в обсуждение бредовой продукции или опровергать ее может привести к тому, что душевнобольной включит вас самого в структуру своего бреда. Поэтому постарайтесь тактично свести рассказ к минимуму, переведя посетителя на обсуждение чисто «технических» вопросов: как составить обращение и т.д. Задайте только самые необходимые вопросы, не связанные с содержанием бреда, например о том, где и с кем живет, где и кем работает, и т.п.

Если высказывания свидетельствуют об опасности человека для себя и окружающих, информируйте участкового уполномоченного полиции. Последний вправе принять меры к госпитализации больного в соответствии с законом о психиатрической помощи.

Завершая рассмотрение вопроса об этике и психологии личного приема, необходимо высказать мысль, которая, при всей ее очевидности, нередко уходит на периферию организационных вопросов, требующих постоянного внимания руководителя. Для рядового гражданина любой государственный служащий независимо от его статуса, а тем более руководитель следственного органа, — это представитель государственной власти. По тому, как ведет себя такой служащий, граждане дают оценку всему механизму государственной власти.

Литература

1. Гиппенрейтер Ю.Б. Чудеса активного слушания / Ю.Б. Гиппенрейтер. М. : АСТ, 2014. 182 с.
2. Цветков Ю.А. Управление в следственных органах : курс лекций / Ю.А. Цветков ; под ред. А.И. Бастрыкина. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2016. 336 с.
3. Бельх-Силаев Д.В. Психологическая составляющая профессиональной деятельности следователя в ситуации работы с потерпевшим при возникновении острой реакции на стресс // Юридическая психология. № 3. С. 38—40.

ЛИЧНОСТНАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ КАК ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДИКТОР ИНТЕНСИВНОСТИ НЕСЛУЧАЙНЫХ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ РЕАКЦИЙ

Абрамов Роман Игоревич,
полиграфолог Управления внутреннего контроля
АО «Северсталь Менеджмент»
014130@mail.ru

Костенко Андрей Леонидович,
заместитель начальника Управления внутреннего контроля
АО «Северсталь Менеджмент»,
кандидат психологических наук
127299, г. Москва, ул. Клары Цеткин, д.2

В предлагаемой статье авторы изучали влияние личностной тревожности на процесс распознавания скрывающейся информации в ходе психофизиологического исследования с применением полиграфа в ключе «детектора лжи»; проанализировали связи между интенсивностью фазической кожно-гальванической реакции и уровнем тревожности; оценили динамику ситуативной тревоги в зависимости от внутренних установок обследуемого на искренность в ответах.

Ключевые слова: личностная тревожность, ситуативная тревожность, психофизиологические реакции, полиграф.

TRAIT ANXIETY AS A PSYCHOLOGICAL PREDICTOR OF NONRANDOM PSYCHOPHYSIOLOGICAL REACTION INTENSITY

Abramov Roman I.
Polygraph Examiner of the Internal Control Department of Severstal Management, JSC

Kostenko Andrey L.
*Deputy Head of the Internal Control Department of Severstal Management, JSC
Candidate of Psychological Sciences*

The authors of the presented article study the influence of trait anxiety on the concealed information identification process in the course of psychophysiological research applying a polygraph as a “lie detector”; analyze the links between the intensity of phasic galvanic skin reaction and the anxiety level; assess state anxiety dynamics depending on the inner attitude of the examined person to give sincere answers.

Key words: trait anxiety, state anxiety, psychophysiological reactions, polygraph.

Исследования связи кожно-гальванического рефлекса (далее — КГР) с эмоциональными состояниями имеют давнюю традицию и начались сразу после открытия У. Фере (1888) и И.Р. Тархановым (1890) электрической активности кожи. На современном этапе установлен ряд характеристик КГР, имеющих надежные корреляции с особенностями тревожно-стрессовых состояний, выявляемых с помощью других независимых субъективных и объективных показателей.

В конце XX в. под руководством Г.Г. Аракелова был проведен ряд развернутых исследований связи тревожно-стрессовых состояний и КГР. В исследованиях было выявлено, что фоновые фазические колебания КГР, их интегративные показатели — количество колебаний в единицу времени, амплитуда

колебаний и площадь под кривыми колебаний — отражают уровень стрессовой тревожности и являются ее количественными, более тонкими объективными индикаторами (Аракелов, Лысенко, Шотт, 1996) [привод. по: 2, с. 4–5].

Поэтому задача нашего исследования более прикладная и заключается в конкретизации найденных взаимосвязей в контексте задачи выявления скрывающейся информации. Для этого мы, во-первых, изучали влияние личностной тревожности на процесс распознавания скрывающейся информации в ходе ПФИ; во-вторых, анализировали связи между интенсивностью фазической кожно-гальванической реакции и уровнем тревожности; в-третьих, оценивали динамику ситуативной тревоги в зависимости от внутренних установок обследуемого на искренность в ответах.

В исследовании были использованы следующие экспериментальные методы:

- тест на исследование тревожности Ч.Д. Спилбергера — Ю.Л. Ханина;
- личностная шкала проявления тревоги Дж. Тейлора — Т.А. Немчинова;
- методика выявления скрываемой информации («тест пика напряжения»).

Психофизиологические исследования на выявление скрываемой информации на полиграфе проводились в рамках кадровых проверок. Формирование независимой переменной в форме ложного и правдивого ответов на вопросы осуществлялось следующим образом: обследуемому лицу предъявлялся стандартизированный стимульно-адаптационный тест «Имена», когда по просьбе полиграфолога проверяемому задавался один и тот же вопрос: «Вас зовут?..» и предлагался список имен, среди которых было также имя самого обследуемого, и он на все варианты ответа говорил «нет». Ответ на собственное имя предполагается лживым, а остальные — правдивыми.

Тестирование на полиграфе проводилось с использованием компьютерного полиграфа модели «Диана-04». При этом отслеживалась динамика психофизиологических реакций обследуемого в ответ на предъявляемые (вопросы) стимулы за счет перевода физиологических показателей активности дыхательной, сердечно-сосудистой систем, электрической активности кожи и др. в электрические сигналы, отображаемые в виде графиков, в совокупности образующих полиграмму.

Для статистической обработки полученной информации считали линейную параметрическую (Пирсона) и ранговую непараметрическую (Спирмена) корреляции, а также коэффициент сдвига вероятностного распределения.

Исследование проходило в одинаковых условиях, как правило, в первой половине дня, в шумо- и звукоизолированных помещениях.

В качестве испытуемых выступили сотрудники подразделений группы компаний «Северсталь» (50 человек), из которых 42 человека были сотрудниками компании, а 8 человек проверялись в рамках стандартного скрининга при приеме на работу. Работающие сотрудники поделились поровну: 21 человек проходил тестирование в первый раз (плановый режим) и 21 — повторно. Количество мужчин и женщин также было равным — по 25 человек. Из 50 человек рекомендовано к сотрудничеству — 27, условно рекомендовано — 18, не рекомендовано — 5 (из которых 2 с выводом DI (ложь обнаружена), остальные 48 — NDI (ложь не обнаружена)).

Исследование

Для достижения цели перед проведением непосредственно ПФИ обследуемые проходили психологические тесты по методикам, наиболее часто используемым в психологической практи-

ке для выявления особенностей тревожности (см. выше).

Необходимо отметить, что методика, разработанная Ч.Д. Спилбергером, включает в себя две шкалы: личностную или ситуационную тревожность. Авторы исходили из предположения о том, что тревожность как индивидуальное свойство (личностная) не тождественна тревоге — психическому состоянию, которое сопровождает высшую нервную деятельность. Поэтому тест на ситуативную тревожность проводили дважды, сначала перед проведением предтестовой беседы, а потом — в самом конце обследования.

Полученный средний уровень тревоги в фоне в целом соответствует авторским данным. В частности, в тесте Тейлора среднее значение по всей выборке составило $17,58 \pm 1,00$ балл. Учитывая, что в этом тесте предусмотрен коридор нормы от 5 до 25 баллов, видно, что наши данные почти точно ложатся в середину нормативного коридора, то есть тревожностные характеристики нашей выборки соответствуют популяционным. Зарегистрированные в ходе ПФИ данные подвергались экспертной — качественной и количественной оценкам. В основе анализа лежит предположение о том, что интенсивность психофизиологического ответа на предъявление неспецифического стимула, то есть его значимость, пропорциональна закономерности и казуальности возникшей на него реакции. Стимул значим и обусловлен предыдущим эмоциональным опытом индивида, если в ходе психофизиологического исследования реакции, возникающие в ответ на него, оказываются статистически значимо неслучайными. Такое определение, при всей его дискуссионности, обладает одним ценным свойством. Оно позволяет проводить количественную оценку значимости в терминах вероятности [1].

Кроме психологических характеристик фиксировалась интенсивность (реактивность) кожно-гальванического рефлекса, при одинаковом для всех обследований усилении в 40 единиц и микроклиматических показателей. Интенсивность сигнала оценивали по пятибалльной шкале, исходя из следующих типов реакции: 1 — слабая (сигнал практически отсутствует); 2 — ниже среднего (сигнал присутствует, но незначительно); 3 — средняя (сигнал в пределах средней нормы); 4 — выше среднего (сигнал превышает средние нормы); 5 — высокая (сигнал значительно превышает средние нормы) (см. рис. 1–5).

Интересно, что если обобщить данные оценивания величины КГР, то становится виден своеобразный эффект насыщения, а сама кривая имеет вид интегральной кривой Больцмана (как ее принято называть в естественных науках) или кривой Парето (выражаясь «гуманитарным» термином).

В графическом виде полученные данные выглядят следующим образом (см. рис. 6):

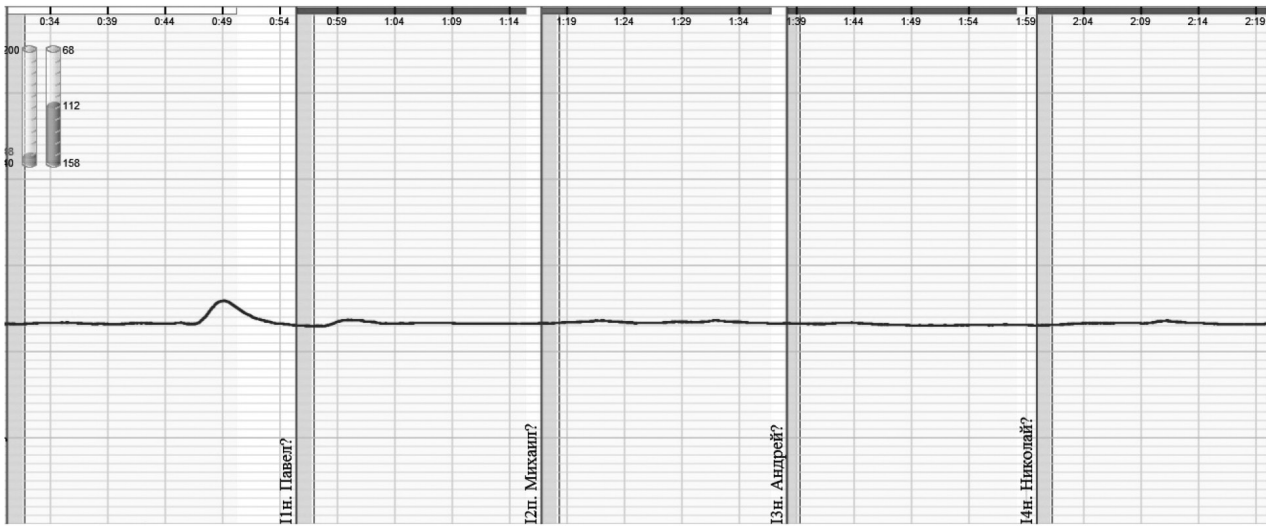

Рис. 1

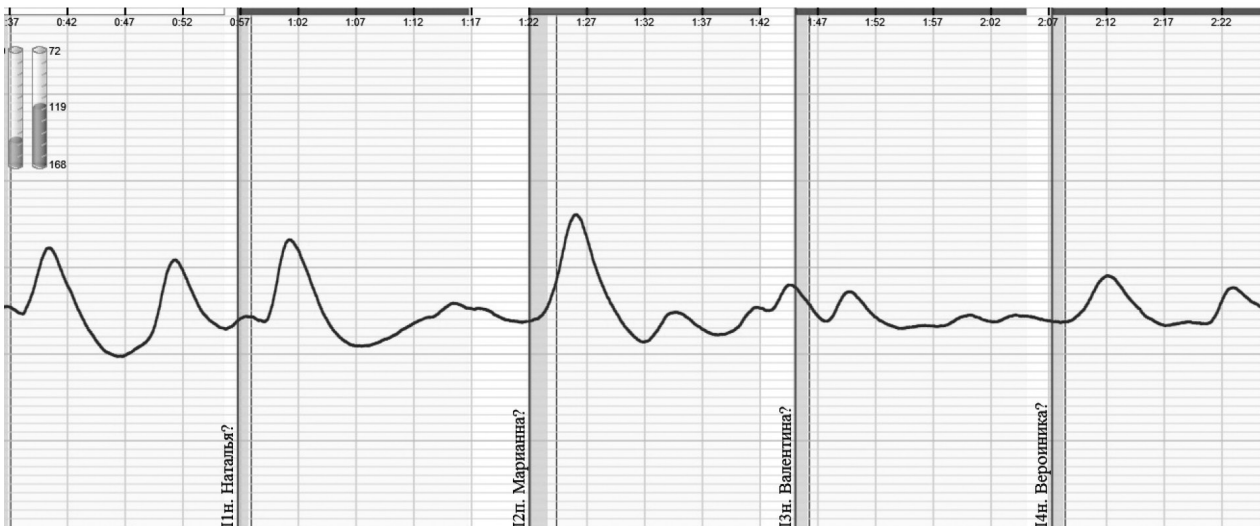

Рис. 2

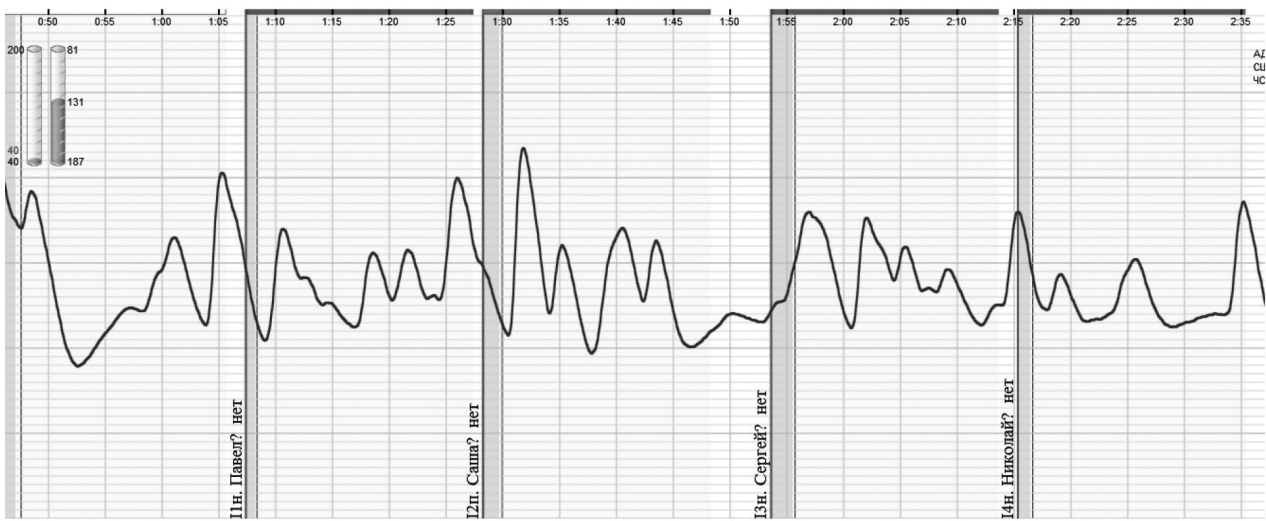

Рис. 3

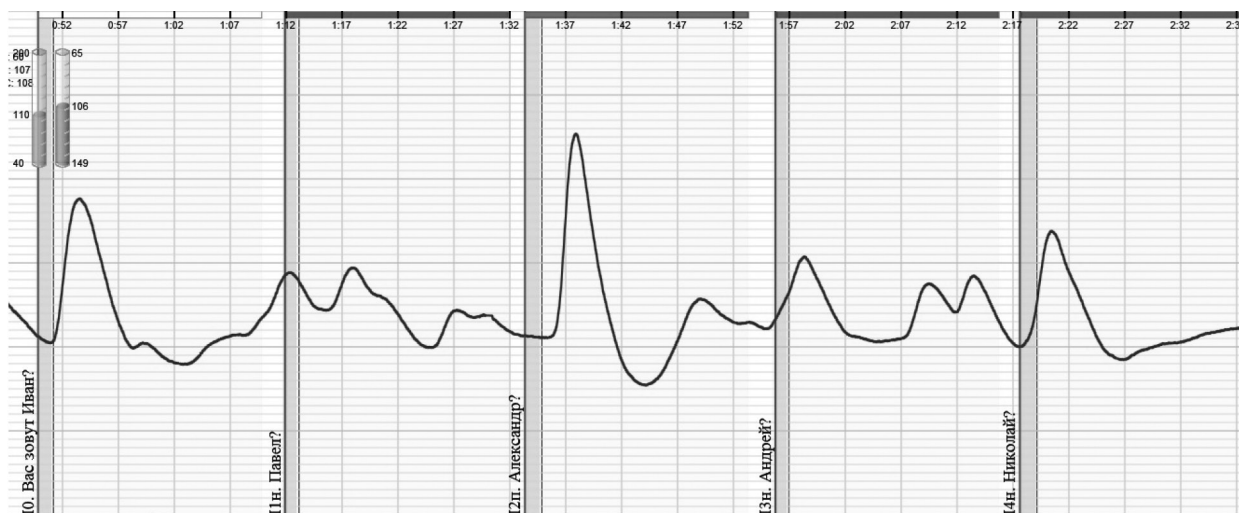

Рисунок 4

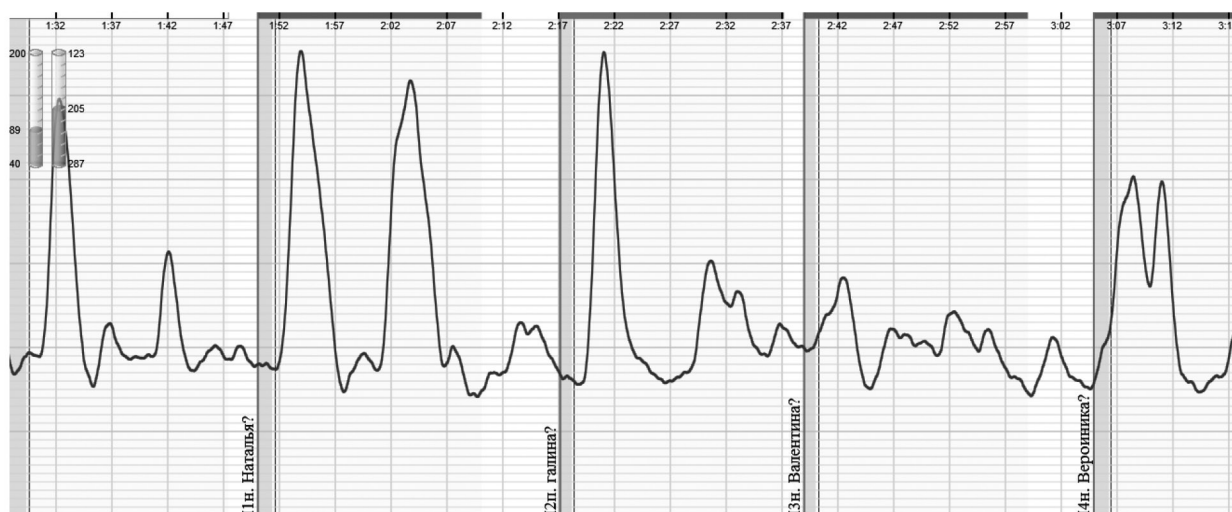

Рисунок 5

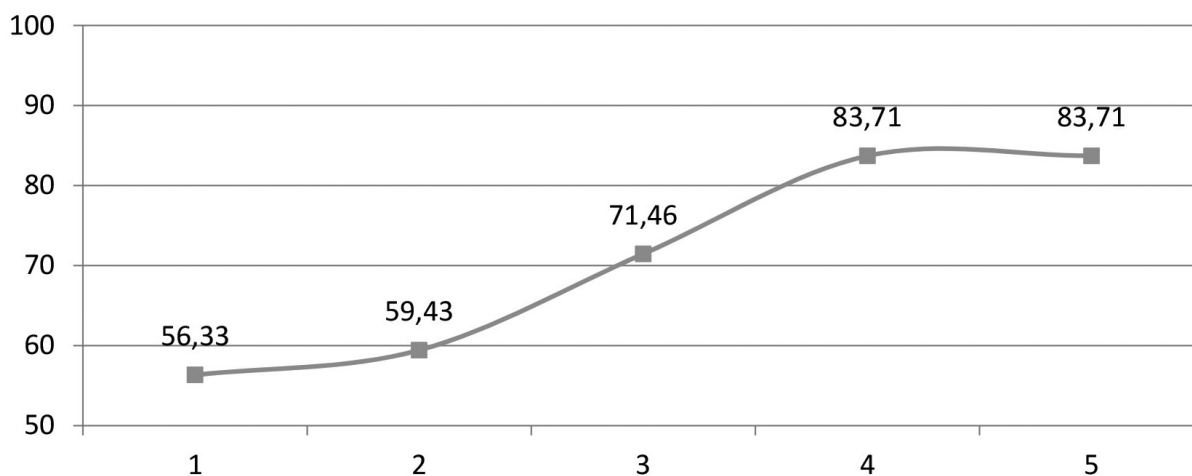

Рисунок 6

Получается, что принципиальное значение для оценки значимости стимула играет не величина реакции как таковая, а скорее ее наличие или различимость. Фактически это означает, что пятибалльная шкала в данном случае избыточна и было бы достаточно оценивать реакцию КГР по трем номинациям — «малозаметная», «отчетливая» и «выраженная».

Анализ результатов

Вычисляем коэффициент линейной корреляции по Пирсону между шкалами личностной тревожности тестов Тейлора и Спилбергера. Корреляция есть, и она очень тесная: r (Tayl., Spilb.) = 0,80, $p < 0,001$. Раз так, для дальнейшего анализа достаточно оставить любую шкалу, например Тейлора, и искать связи только с ней.

Получается, что между результатами тестирования по Тейлору и оценками закономерности реакции в ПФИ тоже присутствует достоверная корреляционная связь: r (Tayl., Polygraph) = 0,58, $p < 0,001$, что вновь свидетельствует о тесной связи. Общеизвестно, что при объемах выборки более 30 человек параметрические и непараметрические показатели связи численно близки, поэтому не имеет значения, каким способом расчета пользоваться. Это означает, что уровень личностной тревожности (и по Тейлору, и по Спилбергеру — Ханину) можно рассматривать в качестве предиктора достоверности результатов ПФИ, то есть чем выше уровень базальной тревоги, тем выше вероятность неслучайности значимости стимула при «лживом» ответе.

Если посмотреть динамику ситуативной тревожности на протяжении ПФИ (то есть за 2,5–3 часа взаимодействия в квазитерапевтической обстановке), то средние значения снижаются всего на 1,90 балла, с 44,24 до 42,34 балла, и минимально приемлемого

уровня достоверности в $p < 0,05$ различия не достигают. Таким образом, мы видим, что значимого изменения уровня ситуативной тревожности в ходе ПФИ не происходит.

Выводы

1. Уровень личностной тревожности можно рассматривать в качестве предиктора достоверности результатов ПФИ, то есть чем выше уровень базальной тревожности, тем выше вероятность неслучайности значимости стимула при «лживом» ответе.

2. Подтверждается концепция, предполагающая, что интенсивность электродермальной активности является физиологическим индикатором тревожности. В то же время количественно показано, что уровень тревожности может выступать психологическим предиктором ожидаемой «контрастности» и, как следствие, различимости реакций по каналу КГР.

3. Использование пятизначных ранжирований интенсивности КГР избыточно, т.к. не дает прироста разнообразия выводов ПФИ по сравнению с трехзначным ранжированием.

4. Значимого изменения уровня ситуативной тревожности в ходе ПФИ не происходит.

Литература

1. Пеленицын А.Б., Сошников А.П. Основные трудности и проблемы использования полиграфа в правоохранительной деятельности и кадровой работе и рекомендуемые пути их преодоления / А.Б. Пеленицын, А.П. Сошников // Актуальное состояние и перспективы развития метода инструментальной «детекция лжи» в интересах государственной и общественной безопасности : мат. межд. науч.-практ. конф. (Москва, 2–4 декабря 2008 г.). М., 2008. С. 16–29.
2. Шишкова Н.А. Психофизиологическая оценка уровня стресса : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Н.А. Шишкова. М., 2004. 21 с.

ОТНОШЕНИЕ К ДЕНЬГАМ У ВОЕННОСЛУЖАЩИХ: ВОЗМОЖНЫЕ АДДИКЦИИ

Некрасова Екатерина Александровна,
преподаватель кафедры психологии Военного университета
kariffa@yandex.ru

Нурдин Медербек Уулу,
курсант 5-го курса Военного университета
avtor@lawinfo.ru

В данной статье рассмотрена проблема аддикции к деньгам у военнослужащих. Был сделан акцент на актуальности данной проблемы у военнослужащих. Представлены эмпирические данные, характеризующие отношение к деньгам, долгам и кредитам у военнослужащих.

Ключевые слова: аддикция к деньгам, аддикция, аддиктивное поведение, факторы возникновения аддикции.

ATTITUDE OF MILITARY SERVICE MEN TOWARDS MONEY:
POSSIBLE ADDICTIONS

Nekrasova Ekaterina A.

Lecturer of the Department of Psychology of the Military University

Nurdin Mederbek U.

5th year Cadet of the Military University

The article reviews the money addiction issue of military service men. The authors emphasize the relevance of this issue for military service men, present empirical observations characterizing the attitude of military service men towards money, debts and loans.

Key words: money addiction, addiction, addictive behavior, addiction appearance factors.

Жизнь современного человека сложно представить без взаимодействия с деньгами. Научный интерес к проблеме отношения к деньгам и формам нарушения этих отношений возник относительно недавно. Аддикция к трате денег была описана и типизирована в соответствии с диагностическими критериями DSM-III-R для обсессивно-компульсивного и аддиктивного расстройств в 1990-х гг.¹. А Фабер и О'Гуин в 1992 г. предложили шкалу для выявления аддикции к деньгам.

Психологи исследуют разные аспекты денежных аддикций, приводят разные интерпретации и возможные смыслы отклонений в отношении к деньгам. З. Фрейд признавался: «Мое настроение также очень сильно зависит от моих заработков. Деньги для меня — это веселящий газ»².

Т. Вайсман в работе «Деньги как мотив» пишет: «Для kleptomанов или женщин, разоряющих мужчин, деньги символизируют утраченные интроектированные объекты; они стремятся к деньгам, чтобы тут же от них избавиться. Люди с депрессивным характером, которые страдают от эмоционального голода, рассматривают деньги как потенциальную пищу. Для одних деньги символизируют их сексуальную состоятельность, и они воспринимают потерю денег как кастрацию. Другие в минуту опасности начинают жертвовать крупные суммы денег в целях «профилактической самокастрации». Третьи тратят деньги совершенно импульсивно, без всякого учета их реальной стоимости. ...Всеобщая эквивалентность денег — это иллюзия: на «красивые деньги» покупают совсем не то, что на честно заработанные, а деньги, полученные в дар от короля, — это не то же самое, что выигрыш в лотерею»³.

А. Белкин описывает аддикции к деньгам следующим образом. «Человеку требуется то и дело пересчитывать их [деньги]. Ему страшно расставаться с деньгами, он постоянно жалуется на их нехватку. И вдруг — маниакальный приступ расточительства «сумасшедших денег», вплоть до разорения. Во время накопления денег либидо сублимируется, сексуальное влечение резко снижается. В фазе расто-

чительства наблюдаются оргии, кутежи, азартные игры, наркотизация»⁴.

Не только психологи отмечают влияние денег на человека. Л. Толстой писал: «...деньги и то, что я имею их, есть одна из самых главных причин тех зол, которые я видел перед собой; и я спросил себя: что такое деньги?»⁵. А К. Маркс отмечал, что «деньги есть цель и существование отчужденного от себя человека: он преклоняется перед этим идолом и подчиняется ему»⁶.

Аддикция к трате денег часто сочетается с аффективными расстройствами (50%), химической зависимостью (45,8%), в том числе алкоголизмом (20%) и пищевыми аддикциями (20,8%). Высказывается предположение, что аддикция к трате денег может быть включена в семейный и, возможно, генетический «клинический спектр» расстройств, куда относятся аддиктивные и аффективные расстройства. Подтверждением могут служить данные о том, что, в свою очередь, 8% больных депрессией сообщили об эпизодах неконтролируемой траты денег для совершения покупок.

И все же, какие именно варианты аддикции к деньгам можно наблюдать? Наиболее описанным и изученным эмпирически является явление шопоголизма (ониомания), то есть непреодолимое желание делать покупки, без анализа необходимости и наличия возможностей, удовольствие доставляет сам процесс покупки, ее возможность.

Другой формой аддикции к деньгам является транжирство, которое может обнаруживаться в неконтролируемой трате имеющихся денег, а также использовании заемных средств (долговых денег, кредитных). В исследовании Шандора Ференци, посвященном основным причинам долгов, было выделено восемь факторов, детерминирующих долговое поведение:

Социальное одобрение долгов: поскольку общество движется от осуждения долгов к поощрению кредитов, современная «потребительская мораль» относится к долгам терпимо (и даже приветствует их).

Экономическая социализация: семьи, считающие долги приемлемыми, воспроизводят подобную модель в следующих поколениях.

¹ Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск, 2001. С. 114.

² Фрейд З. Я и оно. По ту сторону принципа удовольствия. М., 2011. С. 54.

³ Wiseman, T. The Money Motive. London : Hodder & Stoughton, 1974. P. 13–14.

⁴ Белкин А. Запах денег: Психологические этюды. М.: ТЕРРА; Книжный клуб «Олимп», 1999. С. 10.

⁵ Толстой Л.Н. Рабство нашего времени. 1900. С. 22.

⁶ Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль. М.: Политиздат, 1983. С. 52.

Социальное сравнение: если люди сравнивают себя с несоответствующей (более обеспеченной) референтной группой, они с большей легкостью залезают в долги, чтобы быть «не хуже других».

Умение распоряжаться деньгами: неспособность рационально распоряжаться деньгами относится к общей неорганизованности, также приводит к финансовым проблемам.

Потребительское поведение: неадекватные модели потребления (например, уверенность в необходимости предметов роскоши).

Временной горизонт: чем менее реалистична временная перспектива, в которой существует человек, тем легче он делает долги.

Отношение к долгам: если человек не чувствует беспокойства или сожаления, когда ему приходится брать в долг, он чаще прибегает к подобному поведению.

Фатализм: чем более у человека выражен внешний локус контроля, тем он более склонен залезать в долги⁷.

Таким образом, исходя из вышеозначенного, не все одинаково подвержены долговому поведению, но ввиду популярности использования, в частности, в среде военнослужащих заемных средств, неадекватности модели потребления, спокойного отношения к долгам, использования предметов «роскоши» (не соответствующих уровню доходов) многие из них оказываются в зоне риска. На сегодняшний день, в рамках этой сферы, все чаще возникает вопрос аддикций к деньгам, как, например, необдуманное обременение себя кредитами, долгами, совершение покупок без необходимости, «спускание денег» в тотализатор и другие азартные игры.

Для изучения соотношения представлений о «деньгах», «долге» и «кредите» у военнослужащих был проведен опрос 53 курсантов, с использованием метода семантического дифференциала (см. рисунок).

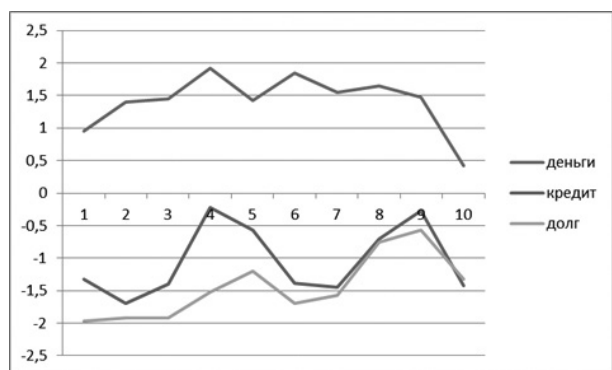

Рисунок. Соотношение понятий «деньги», «долг», «кредит»

На графике показано, что военнослужащие наиболее негативно оценивают понятие «долг» и сходным образом квалифицируют понятие «кредит», тог-

⁷ Ferenczi, S. Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-analysis. New York, 1927.

да как понятие «деньги» имеет для курсантов положительную коннотацию и оценивается значительно выше по шкалам семантического дифференциала.

Профилактику суицидов вследствие задолженностей следует строить не только за счет повышения экономической грамотности военнослужащих, но и с помощью мероприятий психологического характера. М.А. Гагарина отмечает, что эмоциональная стабильность и сознательность повышают рациональность экономических стратегий при задолженностях, в то время как экономические факторы (процентная ставка, длительность срока кредитования и иное) не оказывают влияния на поведение должников⁸. Также ученый считает, что значимое влияние на действия заемщика оказывает фактор эмоционального принятия долга.

Аддикции к деньгам у военнослужащих обусловлены в том числе особенностями, в которых проходит их жизнедеятельность, и требуют внимания со стороны психолога в целях профилактики суицидального и иного асоциального поведения.

Литература

- Белкин А. Запах денег: Психологические этюды / А. Белкин. М.: ТЕРРА; Книжный клуб «Олимп», 1999. 394 с.
- Гагарина М.А. Влияние психологических и экономических факторов на долговое поведение / М.А. Гагарина // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. д-р психол. наук. А.Н. Лебедев. М.: Изд-во «Спутник+», 2014. С. 23–40.
- Журавлев А.Л. Нравственно-психологическая регуляция экономической активности / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко; Рос. акад. наук, Ин-т психологии. М.: Ин-т психологии РАН, 2003 (ППП Тип. наука). 435 с.
- Журавлев А.Л., Купрейченко А.Б. Отношение к деньгам предпринимателей с различным психологическим типом экономической активности / А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко // Психология и экономика. 2009. Т. 2. № 1. С. 12–32.
- Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Психосоциальная аддиктология / Ц.П. Короленко, Н.В. Дмитриева. Новосибирск: ОЛСИБ, 2001. 251 с.
- Маркс К. Заработная плата, цена и прибыль / К. Маркс. М.: Политиздат, 1983. 63 с.
- Семенов М.Ю. Психология денег: денежные эффекты / М.Ю. Семенов // Омские социально-гуманитарные чтения — 2011: мат. IV Межрег. науч.-практ. конф. (Омск, 15–16 марта 2011 г.). Омск: Изд-во ОмГТУ, 2011. С. 252–256.
- Толстой Л.Н. Рабство нашего времени. 1900 [Электронный ресурс]. URL: <http://tolstoy.ru/online/online-publicism/rabstvo-nashego-vremeni/>
- Фрейд З. Я и оно. По ту сторону принципа удовольствия / З. Фрейд. М.: Neoclassic; Астрель; АСТ, 2011. 160 с.
- Ferenczi, S. Further Contributions to the Theory and Technique of Psycho-analysis / S. Ferenczi. New York: Boni and Liveright, 1927. 484 p.
- Wiseman, T. The Money Motive / T. Wiseman. London: Hodder & Stoughton, 1974. 285 p.

⁸ Гагарина М.А. Влияние психологических и экономических факторов на долговое поведение // Актуальные проблемы социальной и экономической психологии: методология, теория, практика : сб. науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. д-р психол. наук. А.Н. Лебедев. М.: Изд-во «Спутник+», 2014. С. 23–40.

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО В ЗАВИСИМОСТИ ОТ АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА

Белых-Силаев Дмитрий Владимирович,
главный редактор журнала «Юридическая психология»,
преподаватель Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации,
юрист, психолог
014130@mail.ru

В данной статье описываются типы личности в зависимости от типа акцентуации характера. Проводится анализ оценки особенностей человека в условиях военной службы для более точной оценки поведения в конкретных ситуациях ведущих видов деятельности.

Ключевые слова: военнослужащий, акцентуация характера, психопатия; демонстративный тип, ригидный (шизоидный, паранойяльный, застревающий) тип, педантичный (эпилептоидный) тип, взрывчатый (возбуждаемый) тип, гипертимный тип, дистимный тип, тревожный тип, экзальтированный (восхищающийся) тип, эмотивный тип, циклоидный тип; демонстративность, застремляемость, педантичность, взрывчатость, гипертимность, дистимность, тревожность, экзальтированность, эмотивность, циклоидность; демонстрант, шизоид, педант, возбуждаемый, гипертим, дистимик, тревожный, экзальтант, эмотив, циклоид.

PERSONALITY TYPE OF MILITARY SERVICE MEN DEPENDING ON PERSONALITY TRAIT ACCENTUATION

Belykh-Silaev Dmitry V.
Editor-in-Chief of the Juridical Psychology journal
Lecturer of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation
Lawyer, Psychologist

This article describes personality types depending on the personality trait accentuation. The author analyzes human features in the conditions of military service for more detailed assessment of behavior in specific cases of the primary activity types.

Key words: military service men, personality trait accentuation, psychopathy; demonstrative type, rigid (schizoid, paranoiac, jamming) type, pedantic (epileptoid) type, explosive (excitable) type, hyperthymic type, dysthymic type, alarm type, exalted (admiring) type, emotive type, cycloid type; demonstrativity, jam, pedantry, explosivity, hyperthymity, dysthymity, alarm, exalticity, exaltedness, emotivity, cyclicity; demonstrant, schizoid, pedant, excitable, hyperthymic, dysthymic, alarm, exaltant, emotive, cycloid.

Прогностическое значение психологии как науки о закономерностях возникновения, развития и функционирования психики состоит в том, что, верно установив характерологические особенности (а характер — это психическое свойство, определяющее поведенческий репертуар субъекта), можно уже «здесь и сейчас» дать вероятностный поведенческий прогноз, то есть научно обоснованно предположить, как данный конкретный военнослужащий поведет себя «там и потом», то есть в конкретных ситуациях ведущих видов деятельности — в игре, учении, труде, общении.

Теоретической основой предлагаемой статьи является концепция «акцентуированных личностей» К. Леонгарда, который считает, что присущие личности черты могут быть разделены на основные и дополнительные. Основные черты составляют стержень, «ядро» личности. В случае яркой выраженности основные черты становятся акцентуациями характера. Соответственно, личности, у которых основные черты ярко выражены, названы Леонгардом «акцентуированными». Термин «акцентуированные личности» занял место между психопатией и нор-

мой. Акцентуированные личности не следует рассматривать в качестве патологических, но в случае воздействия неблагоприятных факторов акцентуации могут приобретать патологический характер, разрушая структуру личности.

Таким образом, акцентуация характера — это крайняя выраженность нормы характера, которая (в отличие от психопатии) проявляется «не всегда и везде», а только в условиях стресса. Поскольку военная служба — это эмоциогенный вид деятельности, связанный с постоянным стрессом, то вероятность проявления индивидуально-психологических особенностей в поведении (то есть во внешней психической активности) возрастает.

Таким образом, нами предлагается концепция десяти типов личности в зависимости от типа акцентуации характера. Будут рассмотрены демонстративная, ригидная, эпилептоидная, взрывчатая, гипертимная, дистимная, тревожная, экзальтированная, эмотивная, циклоидная акцентуации характера, в соответствии с которыми мы выделили демонстративный, ригидный (застревающий), эпилептоидный (педантичный), взрывчатый (воз-

будимый), гипертимный, дистимный, тревожный, экзальтированный, эмотивный, циклоидный типы.

Акцентуация по шкале «демонстративность» («брежневская» акцентуация характера) означает, что испытуемому психологически комфортно находиться в центре внимания; такие люди умеют прекрасно приспосабливаться к ситуации, мягки в общении, наблюдательны, артистичны, обаятельны, с развитым воображением, обладают умением органично вживаться в роль, которая соответствует их интересам; инициативны, способны увлечь других неординарностью и оригинальностью своих поступков и мыслей, часто являются неформальными лидерами; преуспевают в тех видах деятельности, где успех во многом зависит от производимого ими впечатления; обуреваемые потребностью в признании, они стремятся выглядеть значительнее и обратить на себя внимание во что бы то ни стало; эгоцентричны (сосредоточены исключительно на своих интересах); им необходимо, чтобы о них говорили, на них смотрели, ими восхищались; склонны к манипулятивному поведению.

Социально адаптивные черты демонстранта: решительность, смелость; общительность, дружелюбие; артистичность, обаяние; высокая обучаемость; высокая пластичность, переключаемость психических процессов; выраженные способности к самовнушению, саморегуляции; хорошее знание людей; развитая интуиция; развитые коммуникативные способности; высокая мотивация достижений; стремление к реализации самых высоких социально одобряемых стандартов в собственной деятельности; умение легко ориентироваться в любой ситуации; умение видеть и получать собственные преимущества в самых неблагоприятных условиях; умение преобразовывать конфликтные ситуации во взаимовыгодные.

Деадаптивные особенности демонстранта: неустойчивая самооценка; проблема с самоидентификацией; отсутствие границы между вымыслом и реальностью; сентиментальность при отсутствии истинно глубоких чувств; склонность к аггравации (преувеличению), позерству, лицемерию; лживость; слабо развитый этический комплекс; авантюризм; неспособность к длительному труду при высоком уровне притязаний; переоценка своих возможностей; склонность к интригам при внешней мягкости манеры общения; притязания на первенство в любой ситуации, часто необоснованные; склонность к провокативному поведению; склонность к имитации различных аффективных реакций, зачастую в личных целях.

Профессиональные особенности демонстранта: в профессиональной деятельности демонстранты добиваются успеха в тех областях, где на первое место выступает проблема ориентировки в непредсказуемой ситуации, в творческих, коммуникативных профессиях; стремление к неординарности, внешним эффектам в сочетании с решительностью, артистизмом, обаянием делает их незаменимыми сотрудниками в области ведения переговоров, например, для создания и поддержания имиджа компании.

Стрессогенные ситуации для демонстранта: регламентированные условия деятельности; выраженные сомнения в достоинствах демонстранта; моно-

тонная деятельность; лимит времени; фрустрация (неудовлетворенность) потребностей.

Типичные для демонстранта способы совладания со стрессом: расширение контактов; смена деятельности; фантазирование; отрицание; вытеснение.

Патологическая динамика характера демонстранта: истероидное расстройство личности.

Примеры вопросов для выявления демонстративной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с демонстративной акцентуацией характера (демонстранты) дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Любите ли Вы находиться в центре внимания?», 2) «Охотно ли Вы декламировали в школе стихи?», 3) «Можете ли Вы с легкостью приспособиться к новой ситуации?», 4) «Можете ли Вы быть приветливым с людьми, не открывая своего истинного отношения к ним?», 5) «Легко ли Вы можете отвлечься от обременительных вопросов и не думать о них?», 6) «Охотно ли Вы участвовали в юности в кружках художественной самодеятельности, в театральном кружке?»; отрицательные ответы на вопросы типа: «Затруднит ли Вас выступить на сцене перед большим количеством зрителей?».

Ригидная (шизоидная, паранойяльная, «сталинская») акцентуация характера (застревающий тип) означает, что такие люди живут и действуют под влиянием неугасающего эмоционального переживания, длительной, имеющей тенденцию к развитию, часто тщательной скрываемой страсти. Они являются терпеливыми бескомпромиссными бойцами, ведущими свою собственную необъявленную войну, упорно отстаивающими личное превосходство над противником. Потерпев поражение, они не отчаиваются, не унывают, наоборот, черпают силы для новой борьбы. Критические замечания воспринимают как личное оскорбление. У них высокая эмоциональная чувствительность в системе отношений. По мнению К. Леонгарда, для них характерна ригидность аффекта «на уровне эгоистических побуждений». Разрядка аффекта затруднена или часто невозможна. Они склонны к длительным переживаниям. Фиксированы на определенной, лично значимой цели. Их самооценка, как правило, завышена. У них прекрасная память, высокая обучаемость, высокий уровень притязаний. Целеустремленны.

Социально адаптивные черты ригидной личности: высокая работоспособность; длительное сохранение интереса к одному объекту; принципиальность, бескомпромиссность; отсутствие склонности к самовнушению; высокая конкурентоспособность; низкая подверженность влиянию группы.

Деадаптивные особенности ригидной личности: заносчивость; самонадеянность; честолюбие; болезненное самолюбие, обидчивость; злопамятность; мстительность; отсутствие сопереживания, подавление, враждебность по отношению к окружающим; необоснованная подозрительность; ревность; фанатизм.

Профессиональные особенности ригидной личности: в выбранной сфере (производственной, творческой) деятельности достигают высоких результатов, помехоустойчивы, работоспособны, активны; отмечается выраженное упорство, стремление к достижениям в карьерном росте. Если намечена цель, то достижение

ее организуется во что бы то ни стало, независимо от условий и обстоятельств. Критика со стороны окружающих развивает стрессоустойчивость, усиливает мотивацию по типу «вопреки». Прекрасные ученые, художники, политики, коллекционеры, юристы (следователи, судьи, прокуроры), священники.

Стрессогенные ситуации для ригидной личности: ситуации неопределенности, нарушение прогнозируемой перспективы; личный вызов, выражение сомнения в личных достоинствах; насмешки.

Типичные для ригидной личности способы совладания со стрессом: враждебность, агрессивность; подозрительность; аутизация; обретение смысла жизни в собственной деятельности.

Патологическая динамика характера ригидной личности: формирование сверхценных идей; сокращение эмоциональных контактов, отчуждение; недифференцированная агрессивность; параноидальные тенденции.

Примеры вопросов для выявления ригидной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: застревающий тип дает положительные ответы на вопросы типа: 1) «Восприимчивы ли Вы к обидам?», 2) «Всегда ли Вы стараетесь быть добросовестным в работе?», 3) «Боретесь ли Вы за свои интересы, если кто-то поступает с Вами несправедливо?», 4) «Высказываете ли Вы обычно людям свое откровенное мнение по тому или иному вопросу?», 5) «Склонны ли Вы вступиться за человека, с которым поступили несправедливо?», 6) «Упорно ли Вы стремитесь к своей цели, даже если на пути встречается много препятствий?», 7) «Сильно ли Вы страдаете от несправедливости?», 8) «Переносите ли Вы злость длительное время?», 9) «Можно ли сказать, что Вы больше недоверчивы и осторожны, нежели доверчивы?», отрицательные ответы на вопросы типа: 1) «Быстро ли Вы забываете, если Вас кто-нибудь обидит?», 2) «Сделаете ли Вы первым шаг к примирению, если Вас кто-то оскорбит?», 3) «Приходилось ли Вам в школьные годы пользоваться подсказками или списывать у товарищей домашнее задание?».

Педантичная («сусловская») акцентуация характера означает, что ведущими особенностями людей данного типа являются добросовестность, аккуратность, пунктуальность. Они не только скрупулезно знают нормы (правила), регламентирующие деятельность, но и стремятся им следовать сами и требуют этого от других. Решения принимаются ими взвешенно, только на основании проверенных фактов. В работе могут добиваться хороших результатов благодаря тщательному и всестороннему анализу предстоящей деятельности. Доверяют только собственным результатам. Они обладают высокой работоспособностью. Высоко чувствительны к ошибкам в деятельности. Отличаются высоким уровнем притязаний. Ориентированы на собственные критерии и оценки. Эмпатия к другим людям слабо развита или отсутствует. Могут уступать лидерство другим людям, если это требуется для достижения общей цели. В конфликты вступают редко.

Социально адаптивные черты педантичной личности: надежность, аккуратность, тщательность

исполнительской деятельности; четкое следование нормативам; в прогнозируемых условиях низкая эмоциональность; постоянное стремление учиться, совершенствовать навыки; требовательность к себе и другим; стремление к планированию (педант выстраивает свою деятельность на основе планирования, является «человеком-планом», лозунгом которого может быть утверждение, что «есть план, согласно плану и жизнь будет продолжаться»).

Деадаптивные особенности педантичной личности: трудности принятия решения; трудности адаптации к новым условиям; формализм (в условиях стресса могут становиться рьяными бюрократами, предъявляя окружающим слишком много формальных требований).

Профессиональные особенности педантичной личности: лица с педантичностью добросовестны, аккуратны, подвергают тщательному и всестороннему анализу свою деятельность, достойны высокого доверия руководства, коллег. Не претендуют на лидерство, охотно уступают лидерство другим людям, поэтому легко адаптируются на должностях заместителя руководителя, на штабной работе, поскольку штаб (организационно-плановое подразделение) является основным планирующим, контролирующим, организующим и руководящим органом управления, а лица с педантичностью склонны к планированию, частым проверкам и самопроверкам, что делает их эффективными при осуществлении контрольных, проверочных мероприятий.

Стрессогенные ситуации для педантичной личности: условия выбора с большим количеством альтернатив; принятие и реализация решения в условиях лимита времени, высокой ответственности.

Типичные способы совладания со стрессом педантичной личности: поиск регламентирующей информации, алгоритма действий; рационализация; соматизация (уход в болезнь).

Патологическая динамика характера педантичной личности: невроз навязчивых состояний.

Примеры вопросов для выявления педантичной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с педантичной акцентуацией характера дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Сильно ли Вам мешает косо висящая картина или неровно застланная скатерть, настолько, что Вам хочется немедленно устранить этот недостаток?», 2) «Пытаетесь ли Вы проверить после того, как опустили письмо в почтовый ящик, не осталось ли оно висеть в прорези?», 3) «Считаете ли Вы других людей недостаточно требовательными друг к другу?», 4) «Выполняете ли Вы кропотливую черную работу так же медленно и тщательно, как и любимое Вами дело?», 5) «Трудно ли Вам будет заснуть, если Вы целый день размышляли над своим будущим или какой-нибудь проблемой?», 6) «Следите ли Вы с большим вниманием, чтобы каждая вещь в доме лежала на своем месте?», 7) «Есть ли у Вас привычка проверять перед сном или перед тем, как уйти, выключен ли газ и свет, закрыта ли дверь?», 8) «Была ли у Вас в школе привычка переписывать лист в тетради, если Вы поставили на него кляксу?»; отрицательные ответы на вопросы типа:

«Охотно ли Вы занимаетесь деятельностью, связанной с большой ответственностью?».

Эксплозивная («хрущевская») акцентуация означает, что для людей этого типа решающим фактором и для образа жизни, и для поведения в целом является не благоразумие, не логическое взвешивание своих поступков, а влечения, инстинкты, неконтролируемые импульсивные побуждения. То, что подсказывает им разум, они не принимают во внимание. Эгоцентричны. Границы собственного «Я» четко очерчены. Внушаемы. Амплитуды их эмоциональных реакций несоизмеримы с побудившей их причиной. Эмоциональные реакции развиваются стремительно, бурно, по аффективному типу, выражаясь в поведении в виде разрядки, причем скорее физического, чем морального свойства. Обладают высокой скоростью и интенсивностью моторного поведения. Стремятся к соперничеству, преимущественно в психомоторной сфере поведения. Личное желание для людей возбудимого типа является практически единственным стимулом поведения, а собственная физическая сила — основным способом удовлетворения этого желания. Для лиц с возбудимым характером часто адекватным видом деятельности является физический труд. Их отличает бескомпромиссное стремление к победе, пренебрежение к собственным травмам и опасностям. Это нередко позволяет людям возбудимого типа добиваться значительных результатов. В спокойном состоянии — впечатлительны, отзывчивы, аккуратны, добросовестны, могут любить маленьких детей и животных.

Социально адаптивные черты эксплозивной личности: непосредственность, решительность, смелость; использование всех доступных средств, неординарность в выборе; достижение результата «здесь и сейчас»; высокая мотивация достижений; стремление к лидерству; социально выраженная роль «защитника слабых», «супермена», «героя»; чувствительность, нежность, внимательность к тем, кто нуждается в его защите, покровительстве, доверяет ему; бескомпромиссность; высокая самооценка; высокий уровень притязаний.

Деадаптивные особенности эксплозивной личности: ограниченность поведенческих программ; безапелляционность; конфликтность; раздражительность; импульсивность; агрессивность; слабая саморегуляция и самоконтроль; грубость, жестокость; неуживчивость в коллективе; деспотичность в семье.

Профессиональные особенности эксплозивной личности: в профессиональной деятельности лица описываемого типа готовы ставить перед собой самые нереальные цели, лишь бы они соответствовали индивидуальной системе ценностей человека. Физическая работа, экстремальные условия, ситуация риска, мощного рывка — прекрасные условия для реализации данной черты характера. Способность героически отстаивать позиции, помериться силами, выступить за справедливость, проложить путь — в определенных профессиях это незаменимые качества, достойные уважения.

Стрессогенные ситуации эксплозивной личности: фрустрация потребностей; осуществление выбора из многих альтернатив; монотонность деятельности;

ситуации, где подвергаются сомнению личные достоинства человека.

Типичные способы совладания со стрессом: прямая вербальная или невербальная агрессия; замещение; физическая разрядка.

Примеры вопросов для выявления эксплозивной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с возбудимостью дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Бывают ли у Вас дни, когда Вы без достаточных оснований находитесь в угрюмом и раздражительном настроении и ни с кем не хотите разговаривать?», 2) «Часто ли Ваше настроение бывает подавленным?», 3) «Быстро ли Вы можете разгневаться?», 4) «Убегали ли Вы ребенком из дома?», 5) «Можете ли Вы выйти из себя и дать волю рукам, если Вас кто-то умышленно грубо рассердит?», 6) «Тянет ли Вас иногда смотреть вдаль?», 7) «Трудно ли Вам сдерживать себя, если Вы разозлитесь?».

Акцентуация по шкале гипертимности («пушкинская») означает, что испытуемый с детства (при условии свободного воспитания, без жесткой регламентации) отличается шумливостью, подвижностью, активностью, склонностью к проявлению инициативы, не всегда разумной, обдуманной. Ему не свойственны проявления робости и застенчивости. Чувство дистанции, сохранение субординации в отношениях для него проблематичны. Зачастую его интересует не результат деятельности, а сам процесс. Характерны жажда интеллектуальной деятельности, хорошая оперативная память, высокая переключаемость внимания, быстрая сообразительность, развитые разносторонние способности, широчайший спектр поведенческих программ, непредсказуемость. Стремление к лидерству выступает как органично присущее гипертиму, ему свойственно быть душой любой компании. Его отличает низкая эмоциональная чувствительность к собственным ошибкам, высокий уровень притязаний, не всегда адекватная оценка реальных возможностей, собственных ресурсов. Как правило, гипертимы всегда имеют свое мнение о происходящем. Высокая реактивность, развитая речь, эрудированность в сочетании с эмоциональной устойчивостью, решительностью, смелостью определяет успешность гипертимов в целом ряде профессиональных областей на различных должностях.

Социально адаптивные особенности гипертима: оптимизм, жизнелюбие, развитое чувство юмора; альтруизм, общительность, инициативность, высокая мотивация достижений, независимость от ситуативных изменений, мнений окружающих.

Деадаптивные особенности гипертима: неспособность к длительной концентрации внимания, неустойчивость к помехам; низкая саморегуляция, выражающаяся в отсутствии терпения, неусидчивости; желание все успеть в сочетании с постоянной спешкой и вечными опозданиями; нежелание, невозможность довести начатое дело до конца; готовность к неоправданному риску; неспособность выделить этапы в выбранной деятельности; склонность к авантюрам: «все или ничего». Непродуктивность деятельности, прожектерство, дилетантизм. Неустойчивость межличностных отношений, нераз-

борчивость в контактах. Недисциплинированность, безответственность. Подверженность влиянию группы.

Профессиональные особенности гипертима: такие люди эффективны в начале организации любого дела, в новой обстановке, в экстремальных ситуациях, в условиях риска; мотивация деятельности формируется как вызов; профессиональный рост детерминирован высоким уровнем притязаний; изобретательность, постоянный поиск, богатство идей, если они востребованы, способны компенсировать дефицит материального вознаграждения; часто делает карьеру видимостью продуктивной деятельности: с энтузиазмом берется за любое дело, строит немыслимые планы, проводит совещания; много обещает, однако выполнение обещаний связано с эмоциональным дискомфортом; частая смена работы — отличительный признак гипертима.

Стрессогенные ситуации для гипертима: условия парадоксальной коммуникации (в системе неопределенных отношений, ролей); жестко регламентированная система отношений; монотонная деятельность в условиях сенсорного голода; вынужденное одиночество; ограничение двигательной активности; отсутствие соперничества; тщательная, кропотливая работа; фрустрация потребности в самореализации; работа в условиях навязанной извне деятельности; ограничения деятельности; ситуация личной ответственности, контроля за исполнением.

Типичные для гипертима способы совладания со стрессом: расширение контактов; фантазирование; стремление к усилению внешней стимуляции (творчество, выбор неординарных рискованных решений, актуализация нереализованных возможностей); кардинальная смена деятельности, поиск альтернатив; вербальная агрессия импульсного характера.

Патологическая динамика характера гипертима: раздражительность, в крайней выраженности — вульгарность, грубость, агрессивность; отсутствие критики к собственному состоянию, собственной деятельности; резонерство; склонность к девиациям.

Примеры вопросов для выявления гипертимной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: положительные ответы на вопросы типа: 1) «Является ли Ваше настроение в общем веселым и беззаботным?», 2) «Предприимчивы ли Вы?», 3) «Трудно ли Вам длительное время просидеть на стуле?», 4) «Подходите ли Вы для проведения увеселительных мероприятий?», 5) «Можете ли сказать, что при неудачах Вы не теряете чувство юмора?», 6) «Нравится ли Вам работа организаторского характера?», 7) «Можно ли Вас назвать оживленным и бойким человеком?», 8) «Легко ли поднимается Ваше настроение в дружеской компании?».

Дистимная («лермонтовская») акцентуация означает, что лица с данной акцентуацией характера серьезные и обычно сосредоточены на мрачных, печальных сторонах жизни в гораздо большей степени, чем на радостных. В обществе дистимные люди почти не участвуют в беседе, лишь изредка вставляют замечания после длительных пауз. Круг их социальных контактов ограничен. Обладая высоко развитыми рефлексивными процессами, в рассуждениях (чаще

всего монологах) они постоянно пытаются устанавливать каузальные (причинно-следственные) связи. Для них характерна низкая моторная активность. Однако они проявляют незаурядную интеллектуальную активность. Высоко эмоциональны, тревожны, мнительны (склонны видеть опасность там, где ее объективно нет). Имеют высокую самооценку и высокий уровень притязаний. Люди этого типа очень медленно адаптируются к новым условиям. Они предпочитают постоянный, регламентированный образ жизни и привычную для них деятельность, и только в этом случае они могут добиться значительных успехов, т.к. к любому делу они относятся очень серьезно и ответственно. В отличие от депрессивного симптомокомплекса (кратного или длительного), осознаваемого индивидом как искажение эмоциональной сферы, дистимная черта характера является нормальным и устойчивым способом поведения человека в социуме.

Социально адаптивные черты дистимного типа: высокая эрудиция; развитые этические ценности и нормы; наличие собственной позиции, точки зрения; независимость в суждениях; ровный тон эмоциональных отношений; нестандартный тип мышления, неподверженность влиянию внешних стереотипов.

Деадаптивные особенности дистимного типа: отсутствие практических навыков, физической ловкости, преобладание теоретических знаний; робость, пессимизм, нерешительность, пассивность; непереносимость интенсивной стимуляции в виде резких, громких звуков, сильного освещения, шумных компаний; плохая переносимость эмоциональных и физических нагрузок; невозможна деятельность в условиях, требующих быстрой переключаемости психических процессов; быстрое утомление в двигательной сфере.

Профессиональные особенности дистимной личности: в профессиональной деятельности акцентуанты-дистимики выбирают наиболее энергосберегающие тактики, неконфликтны, производят впечатление житейских философов, всегда спокойны, уравновешенны. Инициатива направлена на достижение максимального эффекта минимальными усилиями. Ответственность определена должностным предписанием. Деятельность всегда индивидуализирована, обособлена, предсказуема. Возможность включения в совместную деятельность рассматривается на специально оговоренных условиях.

Стрессогенные ситуации для акцентуанта-дистимика: ситуации, связанные с реализацией практических навыков; ситуации принятия решения; ситуации, связанные с ответственностью за других (не близких) людей; ситуации, требующие быстрого переключения психических процессов.

Типичные для дистимика способы совладания со стрессом: фантазирование; рационализация; дистанцирование; вербальная непрямая агрессия.

Патологическая динамика характера дистимика: зависимое поведение; аутизация.

Примеры вопросов для выявления дистимной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с дистимностью дают положительные ответы на во-

просы типа: 1) «Серьезный ли Вы человек?», 2) «Были ли у Вас раньше истерический припадок или истощение нервной системы?», 3) «Тяжело ли Вы воспринимаете жизнь?», 4) «Смотрите ли Вы на будущее пессимистически?», 5) «В беседе Вы предпочитаете больше молчать?»; отрицательные ответы на вопросы типа: «Вы словоохотливы?».

Тревожная акцентуация (тревожно-боязливый тип) характера означает, что для испытуемого характерны восприимчивость, ранимость, дружелюбие (преимущественно в замкнутом кругу хорошо знакомых людей). Они чрезмерно самокритичны, ответственны. В конфликты вступают редко, играя в них в основном пассивную роль. Стремятся к эмоциональному комфорту. В новой, неопределенной ситуации моментально развиваются выраженные панические реакции, проявляющиеся в поведении на вегетативном уровне. Чрезмерно аккуратны и пунктуальны. Монотонную, несложную работу выполняют с особой тщательностью, многократно перепроверяя ее. В целом у них отсутствует базовое доверие к миру. Самооценка низкая. Рефлективные процессы гипертрофированы. Лишь иногда может наблюдаться импульсивная решительность как реакция на сильный страх.

Социально адаптивные черты тревожной личности: высокая чувствительность к переменам в социуме; высокая ответственность; чувствительность к похвале; строгое следование нормам (правилам); стремление к выполнению простых, монотонных, предсказуемых операций, не связанных с эмоциональным напряжением; стремление уладить конфликты любой ценой; жертвенность.

Деадаптивные особенности тревожной личности: ощущение беспомощности, бессилия перед внешними факторами; при выраженном стрессе — мгновенная общая дезорганизация деятельности, нарушение ее направленности и продуктивности; ранимость; крайняя нерешительность; заниженная самооценка; низкая стрессоустойчивость; постоянные сомнения (в себе, в своих суждениях, поступках).

Профессиональные особенности тревожной личности: в профессиональной деятельности лица тревожного типа достигают больших успехов практически в любой деятельности в связи с развитой критичностью, постоянной неуверенностью в ценности своих достижений; стремление к постоянному самосовершенствованию — ведущая, мотивирующая функция тревожности. Многие достижения формируются по типу гиперкомпенсации.

Стрессогенные ситуации тревожной личности: незнакомый круг общения; необходимость публичных выступлений; необходимость принятия решения в условиях дефицита информации, лимита времени; одиночество.

Типичные способы совладания со стрессом у тревожной личности: соматизация стресса (вегетативные реакции, уход в болезнь); все виды психологических защит.

Патологическая динамика характера тревожной личности: невротические реакции; тревожное расстройство личности.

Примеры вопросов для выявления тревожной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с тревожностью дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Испытывали ли Вы в детстве страх перед грозой или собаками?», 2) «Испытывали ли Вы в детстве страх, когда оставались один в квартире?», 3) «Трудно ли Вам ходить в темный подвал?», 4) «Мучают ли Вас неопределенные мысли, что с Вами или Вашими родственниками может случиться какое-нибудь несчастье?», 5) «Трудно ли Вам пойти ночью на кладбище?», 6) «Пугливы ли Вы?», 7) «Часто ли Вы видите страшные сны?», отрицательные ответы на вопросы типа: «Считаете ли Вы себя более смелым, чем в детском возрасте?».

Экзальтированная («микояновская») акцентуация означает, что испытуемый контактен, словоохотлив, влюбчив, обладает развитым воображением, эстетическим вкусом, является виртуозным спорщиком. Экзальтанты бурно реагируют на различные жизненные ситуации, одинаково легко приходят в восторг от радостных событий и в отчаяние — от печальных. Настроение изменчиво в течение суток. Колебания настроения играют существенную роль в формировании мотивации, ситуации принятия решения. Работоспособность, самооценка, самоотношение зависят от текущего настроения. Избегают ответственности, лидерства. Принципы и тактики их жизни неустойчивы. Прогнозы часто интуитивны, немотивированны, деятельность всегда эмоционально окрашена. Их экзальтация лишь в малой степени связана с их эгоистическими устремлениями, гораздо чаще они руководствуются альтруистическими побуждениями: они чувствительны и впечатлительны, внимательны и привязаны к друзьям и близким, имеют чувство сострадания. Обладая хорошим вкусом, яркостью и искренностью выражения чувств, люди с чертами этого типа характера могут добиться хороших результатов в различных видах искусства. Темп нарастания эмоциональных реакций, их внешние проявления отличаются большой интенсивностью. Импульсивная активность этих лиц связана с альтруистическими побуждениями. Постоянная смена настроения, ощущение «тревоги и счастья» служат основанием для трудностей саморепрезентации. Восторг, негодование, жалость, ненависть — все оттенки чувств предстают в гипертрофированной форме. Чрезмерная эмоциональность сочетается с вегетативной лабильностью: легко краснеют, бледнеют, изменяется частота сердечных сокращений, артериальный тонус. Мимика всегда соответствует текущему настроению. Не способны скрывать свои чувства.

Социально адаптивные черты экзальтанта: общительность, добродушие, искренность, чуткость в периоды приподнятого настроения; высокая эмоциональная регуляция деятельности; высокая пластичность, скорость протекания психических процессов; готовность помочь.

Деадаптивные особенности экзальтанта: невозможность длительного прогноза деятельности; безразличие к будущему; стремление к смене впечатлений, решений, установок; избегание трудностей;

раздражительность; вспыльчивость, нетерпеливость; паникерство; зависимость от смены настроения; ослабленный самоконтроль; склонность к конфликтности, драчливости; быстрая, неадекватная смена ролевых позиций: во время разговора может без объяснений и видимых оснований обидеться, разозлиться; фантазерство; ненадежность в общении.

Профессиональные особенности экзальганта: искренность в выражении чувств, тонкое ощущение реальности, стремление романтизировать отношения придают изысканность, особый смысл межличностному общению в любом коллективе. Однако исполнительская деятельность, регламентированные условия, зависимость от собственного настроения, субъективизм и безапелляционность в суждениях этих лиц создают благоприятный фон для развития непрямых конфликтных ситуаций, индуцируют панические настроения (то есть могут быть паникерами). Маленькие победы вызывают бурю восторга, любая неудача способна «вывести из строя». Выработанные профессиональные навыки частично способны компенсировать проблемы, которые испытывает сам человек. Являясь эмоционально-эстетическим лидером в группе, к формальному лидерству склонности не проявляет, ответственности на себя не берет. Отчетливо выражены возрастные и половые детерминанции экзальтированной черты.

Стрессогенные ситуации для экзальганта: отсутствие соответствия субъективным ожиданиям; жесткая последовательность, регламентированность деятельности; наличие помех в деятельности; ответственность, высокие требования; лимит времени; недостаток общения.

Типичные способы совладания со стрессом для экзальганта: вербальная агрессия; «уход», бегство от действительности; отрицание; соматизация.

Патологическая динамика характера экзальганта: аддиктивное (зависимое) поведение; психосоматические расстройства.

Примеры вопросов для выявления экзальганта в ходе экспресс-беседы: лица с экзальтированной акцентуацией характера дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Можете ли Вы сильно воодушевиться?», 2) «Можете ли Вы иногда целиком проникнуться чувством радости?», 3) «Если Вы будете чем-либо разочарованы, то придете в отчаяние?», 4) «Может ли Ваше настроение измениться от высочайшей радости до глубокой тоски за короткий период времени?».

Эмотивная акцентуация характера означает, что испытуемого отличает эмоциональность, чувствительность, тревожность, болтливость, боязливость, глубокие реакции в области тонких чувств. Наиболее сильно выраженная черта — гуманность, сопереживание другим людям или животным, отзывчивость, мягкосердечность, сорадование чужим успехам. Они впечатлительны, слезливы, любые жизненные события воспринимают серьезнее, чем другие люди. Подростки остро реагируют на сцены из фильмов, где кому-либо угрожает опасность; сцена насилия может вызвать у них сильное потрясение, которое

долго не забудется и может нарушить сон. Редко вступают в конфликты, обиды носят в себе, не «выплескиваются» наружу. Им свойственны обостренное чувство долга, исполнительность. Бережно относятся к природе, любят выращивать растения, ухаживать за животными.

У людей эмотивного типа развит «этический» комплекс. Им свойственны сострадательность, чуткость, обостренное чувство справедливости. У них развиты перцептивные и рефлексивные процессы. Эмоционально чувствительны и впечатлительны во всех сферах жизнедеятельности, но особенно в общении. Предъявляют высокие моральные требования не только к себе, но и к окружающим. Нередко выбирают сложные виды деятельности. Обладая обостренным чувством долга, ответственностью и исполнительностью, они могут добиваться хороших результатов в деятельности (чаще в гуманитарных науках, искусстве). Люди эмотивного типа не любят больших, шумных, азартных компаний, а предпочитают, как правило, общение в узком кругу близких людей, которых понимают с полуслова.

Социально адаптивные черты эмотивной личности: развитая эмпатия («способность на себе примерить шкуру другого»); высокая личная дисциплинированность; самокритичность; высокая работоспособность; развитые глубокие, искренние чувства; развитый эстетический вкус; отсутствие склонности к девиантному поведению.

Деадаптивные особенности эмотивной личности: ранимость; мнительность (стремление видеть опасность там, где ее объективно нет); склонность к длительному переживанию аффекта; растерянность в трудных ситуациях; болезненная обидчивость; непереносимость широкого круга общения.

В профессиональной деятельности лиц эмотивного типа отличает стремление к эмоциональному комфорту, постоянное стремление к самообразованию, эстетическому развитию. Характерные для них чувство долга, ответственность, исходящие из ценностных ориентаций, формируют нравственный климат в коллективе, являются этическим стандартом в профессиональной деятельности.

Стрессогенные ситуации для эмотивной личности: ситуация, подвергающая сомнению этические ценности индивида; ситуация конфликта мотивов; ситуация, активизирующая антисоциальное поведение окружающих; ситуация публичного выступления.

Патологическая динамика характера эмотивной личности: невротические реакции.

Примеры вопросов для выявления эмотивной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с эмотивной акцентуацией характера дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Случалось ли Вам иногда быстро заплакать?», 2) «Мягкосердечный ли Вы человек?», 3) «Влияет ли на Вас вид крови?», 4) «Любите ли Вы животных?», 5) «Может ли Вас так захватить кинофильм, чтобы слезы выступили на глазах?», 6) «Можно ли Вас назвать страстным любителем природы?», 7) «Сильно ли Вы переживаете, если горе случилось у другого человека?», отрицательные ответы на вопросы типа: «Смогли

бы Вы убить человека?», 2) «Смогли бы Вы убить животного?».

Циклоидная акцентуация характера означает, что у испытуемого наблюдаются частые и резкие смены настроения в зависимости от внешних обстоятельств или по внутренним причинам, причем поводы для смены настроения могут быть самые ничтожные. В период душевного подъема они ведут себя как люди с гипертимной акцентуацией характера (общительны, с богатой мимикой, интеллектуально активны), в период же спада — как дистимичные (замкнуты, пассивны). Продолжительность каждой фазы может меняться от нескольких дней до нескольких лет. По сравнению с экзальтированным типом характера (высокая интенсивность, непродолжительность, бурное нарастание реакций), циклоидный тип отличается меньшей амплитудой и большим временным разбросом. Длительность фазы колеблется от нескольких недель до нескольких месяцев. Иногда фазы носят сезонный характер: гипертимные периоды наблюдаются осенью, дистимичные — зимой, весной. С возрастом смены настроения происходят все реже, и человек приобретает черты какого-либо одного типа, чаще дистимического. Важным фактором является наличие адекватной, успешной модели поведения как в гипертимной фазе, так и в дистимной.

Социально адаптивные черты циклоидной личности в гипертимной фазе — инициативность, жизнерадостность, общительность; в дистимной фазе — рассудительность, задумчивость.

Деадаптивные черты циклоидной личности: вспышки раздражительности, обидчивость, придирчивость; неадекватные реакции на критику; парадоксальные эмоциональные реакции; ролевая неопределенность; неустойчивая самооценка; немотивированные поступки; отсутствие последовательности, логики в принятии и реализации решений; замкнутость, пассивность; панические реакции на изменения в собственной социальной позиции.

Профессиональные особенности циклоидной личности: в профессиональной деятельности необходимо проведение диагностических и коррекционных мероприятий. Как правило, индивид продуктивно может смоделировать и реализовать одну из фаз. Наступление другой приводит его в замешательство, вызывает панику. Так, с возрастом дистимная фаза удлиняется, реализация гипертимных программ затруднена. Однако сложившиеся у индивида свои возможности продолжают оказывать влияние на мотивационную сферу, уровень притязаний.

Стрессогенные ситуации для циклоидной личности: эмоциональное отвержение со стороны значимых лиц; разлука с близкими людьми; ущемление собственного достоинства; условия конкуренции; ситуация, требующая длительного сохранения уровня работоспособности; невозможность реализации прогнозируемых и выполнимых ранее программ.

Типичные для циклоида способы совладания со стрессом: рационализация; отрицание; поиск новых адаптивных форм поведения, позволяющих наиболее полно и продуктивно реализовывать себя.

Патологическая динамика характера циклоида: агрессивное, конфликтное поведение; депрессия; деперсонализация; зависимое поведение.

Примеры вопросов для выявления циклоидной акцентуации характера в ходе экспресс-беседы: лица с циклоидностью дают положительные ответы на вопросы типа: 1) «Может ли Ваше настроение меняться от глубокой радости до глубокой печали?», 2) «Сильно ли зависит Ваше настроение от жизненных событий и переживаний?», 3) «Часто ли у Вас без причины меняется настроение?», 4) «Считаете ли Вы, что настроение зависит от погоды?», 5) «Приходилось ли Вам лечь спать в хорошем настроении, а проснуться в удрученном и несколько дней оставаться в нем?», 6) «Бывает ли так, что Вы чувствуете себя на “седьмом небе”, хотя объективных причин для этого нет?».

Примеры вопросов для определения искренности ответов в ходе экспресс-беседы. Маркерами лжи являются *положительные* ответы на вопросы типа: 1) «Вы всегда переходите улицу на зеленый свет светофора?», 2) «Вы всегда внимательно слушаете собеседника, кто бы он ни был?», 3) «Дома Вы ведете себя за столом так же, как и в гостях?», 4) «Вы всегда охотно признаете свои ошибки?», 5) «Вы никогда ни к кому не испытывали антипатии?», 6) «Все знакомые Вам люди симпатичны?», 7) «Вы всегда внимательно следите за тем, как Вы одеты?» — и *отрицательные* ответы на вопросы типа: 1) «Вы иногда сплетничаете?», 2) «Случалось, что Вы пользовались оплошностью другого человека?», 3) «Были случаи, когда Вы завидовали удаче других?», 4) «Когда у людей неприятности, я иногда думаю, что они получили по заслугам?», 5) «Вы иногда можете позлословить об отсутствующих?».

Таким образом, нами предлагается концепция десяти типов личности в зависимости от типа акцентуации характера. Были рассмотрены демонстративная, ригидная, эпилептоидная, эксплозивная, гипертимная, дистимная, тревожная, экзальтированная, эмотивная, циклоидная акцентуации характера, в соответствии с которыми мы выделили демонстративный, ригидный (застывающий), эпилептоидный (педантичный), эксплозивный (возбудимый), гипертимный, дистимный, тревожный, экзальтированный, эмотивный, циклоидный типы личности.

Литература

1. Белых-Силаев Д.В. Акцентуации характера и подходы к их классификации / Д.В. Белых-Силаев, А.Г. Ивашин, Д.Е. Ланцов // Юридическая психология. 2013. № 2. С. 34–40.
2. Леонгард К. Акцентуированные личности / К. Леонгард. Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. 544 с.
3. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков / А.Е. Личко. М. : Речь, 2010. 366 с.
4. Методическое руководство по профессиональному психологическому отбору в системе МЧС России / сост. М.М. Бобровницкая, О.Ю. Голубева, Т.Н. Коняева, Ю.С. Шойгу. М. : Юрист, 2006. 109 с.
5. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ характера / Д.Я. Райгородский. Самара : Бахрах-М, 1997. 640 с.

ДИСКУССИЯ ПСИХОЛОГОВ СИЛОВЫХ СТРУКТУР ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИННОВАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКЕ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ (ОТЧЕТ О КОНФЕРЕНЦИИ)

Данилов Сергей Иванович,
заместитель заведующего кафедрой психологии
Военного университета по научной работе,
доцент
s.danilov.mail@gmail.com

DISCUSSION OF LAW ENFORCEMENT AGENCY PSYCHOLOGISTS ON THE INNOVATIVE TECHNOLOGY
USE IN PSYCHOLOGICAL TRAINING OF MILITARY SERVICE MEN (CONFERENCE REPORT)

Danilov Sergey I.
Deputy Head of the Department of Psychology for Research of the Military University
Assistant Professor

25 октября 2017 г. в Военном университете Министерства обороны РФ прошла научно-практическая конференция психологов силовых структур «Научно-методические аспекты использования программно-аппаратных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих».

Организаторы конференции — кафедра психологии Военного университета Министерства обороны,

Общество психологов силовых структур и Школа современных психотехнологий (г. Москва) — успешно реализовали замысел создания площадки для взаимодействия ученых, психологов силовых структур и представителей высокотехнологичных инновационных компаний — разработчиков программно-аппаратных средств для психологической подготовки специалистов экстремальных профессий.

Научному осмыслению имеющегося отечественного и зарубежного опыта и методологии использования аппаратно-программных средств и тренажеров в психологической подготовке военнослужащих, специалистов профессий экстремального профиля и спортсменов были посвящены выступления ученых Военного университета, МГУ им. М.В. Ломоносова, Государственного научного центра — Института медико-биологических проблем РАН, Санкт-Петербургского НИИ физической культуры, Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, Федерального медицинского биофизического центра имени А.И. Бурназяна ФМБА России. В частности, были выявлены свойства программно-аппаратных технологий, релевантных для психологической подготовки военнослужащих, **обозначены принципы применения программно-аппаратных комплексов в работе военных психологов, произведена классификация программно-аппаратных средств, используемых для боевой и психологической подготовки.** Проанализированы методологические основания психологической подготовки военнослужащего к бою. Рассмотрены **концепции повышения устойчивости организма человека к действию неблагоприятных экологических, производственных и социальных факторов, результаты исследований психологической устойчивости к экстремальным факторам и зон «когнитивной уязвимости».**

Разработчики программно-аппаратных средств продемонстрировали высокотехнологичные продукты в сфере создания и использования симуляторов различных видов оружия и боевой техники, тренажеров, виртуальной реальности, военно-профессиональных игр, бесконтактных психодиагно-

стических комплексов, средств имитации различного вида ранений, травм, экспресс-диагностики готовности военнослужащего к бою и т.д.

Участники конференции ознакомились с различными технологиями формирования специфических профессионально важных качеств и интегральных функциональных систем, которые обеспечивают эффективное поведение военнослужащего при выполнении им служебных задач, в том числе с технологиями **нейробиоуправления в психологической подготовке специалистов экстремального профиля и спорте,** коррекции психических состояний, тренингами саморегуляции, «пика формы», стресс-тренингами по формированию нервно-психической устойчивости и др.

В конференции приняли участие представители 24 регионов России: руководители и специалисты-психологи подразделений и специализированных психологических служб Министерства обороны Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, ФСО России, Росгвардии, Таможенной службы России, преподаватели высших учебных заведений Москвы, представители инновационных компаний — разработчики программно-аппаратных средств из Москвы, Санкт-Петербурга, Таганрога, Новосибирска, Калуги.

В принятой резолюции отмечена необходимость создания в Военном университете Минобороны постоянно действующей площадки для презентации, выставки, психологической оценки, изучения, обсуждения и внедрения в практику психологической подготовки военнослужащих программно-аппаратных средств, тренажеров, имитационных комплексов.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ И ИНЫХ МАТЕРИАЛОВ, НАПРАВЛЯЕМЫХ ДЛЯ ОПУБЛИКОВАНИЯ В ЖУРНАЛАХ ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»

1. Материалы представляются в электронном виде (в формате Word 7.0 или поздней версии) на электронный адрес редакции: avtor@lawinfo.ru (текст — через 1,5 интервала, кегль шрифта — 14, с подписью автора на последней странице; сноски сквозные, в конце статьи, обозначения арабскими цифрами). Объем материала не должен превышать 10 страниц. К рассмотрению не принимаются материалы, направленные в несколько изданий, в случае выявления факта направления рукописи в несколько изданий в дальнейшем материалы автора не будут приниматься к рассмотрению.

2. По запросу автор получает информацию о статусе его статьи.

3. Договор о предоставлении автором интеллектуальных прав на произведение заключается в порядке, приведенном в разделе «Редакционная политика ИГ “Юрист” по адресу: <http://lawinfo.ru/for-authors/policy/>. Перед направлением в редакцию статьи просим обязательно ознакомиться с требованиями, приведенными в разделе «Редакционная политика ИГ “Юрист”». Статьи и другие материалы, направленные в редакцию с нарушением указанных требований, к рассмотрению не принимаются.

4. Статья должна содержать следующие элементы, оформленные в соответствии с требованиями журнала:

- а) индекс УДК и ББК (присваивается в соответствии с классификатором);
- б) название статьи на русском и английском языках;
- в) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, должность, место работы, ученая степень, ученое звание на русском и английском языках;
- д) аннотацию к статье на русском и английском языках;
- е) ключевые слова из текста статьи (4–6 слов или словосочетаний) на русском и английском языках;
- ф) служебный адрес либо адрес электронной почты для опубликования в журнале.

Кроме того, автор представляет только на русском языке пристатейный библиографический список (этот список составляется в алфавитном порядке из названий научных источников, приведенных в ссылках по тексту статьи). Данные, представляемые в редакцию в соответствии с настоящим пунктом, будут размещены в РИНЦ.

5. Статьи аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук дополнительно подписываются научным руководителем / консультантом.

6. Материалы, не соответствующие указанным в настоящем объявлении требованиям, к рассмотрению и рецензированию не принимаются.

7. Просим авторов тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, а также правильность написания соответствующих юридических терминов и наличие необходимой информации.

8. После проверки подписанный автором электронный вариант статьи и сопроводительные документы предоставляются в редакцию по e-mail: avtor@lawinfo.ru.

При возникновении вопросов, связанных с оформлением материалов, можно обращаться в редакцию по телефону: (495) 953-91-08 или по e-mail: avtor@lawinfo.ru
Адрес редакции: 115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.